

СЕРГЪЙ фонъ ШТЕЙНЪ

ПУШКИНЪ МИСТИКЪ

Историко-литературный
очеркъ

РИГА
1931

Печатано въ типографіи „Эсперанто“.
Большая Кузнечная 56, Рига, Латвія.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ

Соприкосновеніе мірамъ инымъ» составляетъ предметъ многихъ страницъ пушкинскаго творчества: явленія изъ загробнаго міра, пророческіе экстазы, вѣщіе сны, предчувствія, примѣты и т. п., то являются самостоятельными темами отдѣльныхъ произведеній Пушкина, то чаще имѣютъ въ нихъ второстепенное, эпизодическое значеніе. Но и въ прозѣ, и въ стихахъ, въ лирикѣ, эпосѣ и драмѣ у Пушкина постоянно встрѣчаемъ тѣ мистическіе мотивы, которые были столь свойственны романтической литературѣ его времени. (1)

При наглядной очевидности этого явленія въ поэзіи Пушкина, представляется нѣсколько неожиданной малая его затронутость въ пушкинской литературѣ. Обстоятельство это легче всего объяснить преобладаніемъ реалистическихъ теченій въ русской критикѣ и общественности второй половины 19-го столѣтія, когда полагались первоначальныя основанія изученію пушкинскаго творчества. (2)

Мысль о спеціальномъ изслѣдованіи мистико-романтическихъ мотивовъ въ творествѣ Пушкина окончательно оформилась у пишущаго эти строки двѣнадцать лѣтъ тому на-

задъ, вскорѣ по вступленіи его въ должность Хранителя Пушкинскаго Дома Россійской Академіи Наукъ. Но тогда схема работы рисовалась въ значительно болѣе грандіозныхъ очертаніяхъ: имѣлось въ виду подвергнуть обследованію судьбы романтической мистики на протяженіи всего существованія русской литературы, особенно подробно останавливаясь на творествѣ Пушкина. Идея эта была привѣтствована, между прочимъ, покойными академиками Н. А. Котляревскимъ и А. А. Шахматовымъ, напечатавшимъ одинъ изъ первоначальныхъ фрагментовъ задуманной работы на страницахъ академическихъ «Извѣстій». (3)

Однако, чѣмъ далѣе шло собираніе матеріаловъ для намѣченнаго изслѣдованія, тѣмъ очевиднѣе становилось, что едва ли будетъ возможно уложить ихъ въ объемъ одной книги.

Пришлось подумать о раздѣленіи уже отчасти написаннаго, и на этой почвѣ возникло рѣшеніе обособить отдѣльныя темы въ составѣ вопроса о развитіи мистики у Пушкина. въ сравненіи съ мистическими мотивами у современныхъ ему поэтовъ. Далѣе намѣтилось намѣреніе, закончивъ ихъ разработку, перейти къ подробному разсмотрѣнію мотивовъ романтической мистики у другихъ русскихъ пи-

сателей 19-го столѣтія, именно у Гоголя, Алексѣя Толстого, Тургенева и Достоевскаго.

Нынѣ выпускаемая въ свѣтъ работа, нося самостоятельный характеръ, имѣетъ своимъ предметомъ преимущественно отраженіе мистическихъ настроеній въ жизни Пушкина и является второю въ ряду «Очерковъ изъ исторіи русской романтической мистики». Первою было сравнительное историко-литературное изслѣдованіе «Пушкинъ и Гофманъ», напечатанное въ Дерптѣ въ 1927—1928 годахъ (4), въ бытность мою приватъ-доцентомъ Дерптскаго Университета.

Глава I

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

Для того, чтобы уяснить себѣ процессъ вхожденія мистическихъ элементовъ въ жизнь Пушкина, возобновимъ въ памяти европейскія событія времени его юности. Исключительная насыщенность потрясающими перемѣнами составляетъ отличительную черту четверти столѣтія, протекшей отъ взятія Бастиліи до битвы при Ватерлоо.

«Распространеніе культурныхъ идей французской революціи путемъ наполеоновскихъ войнъ совершилось въ небывалыхъ, грандіозныхъ размѣрахъ. Событія быстро смѣнялись, личности возвышались и падали, расчеты не удавались, предчувствія обманывались. Все какъ будто подсказывало присутствіе высшей таинственной силы, которая властвуетъ надъ людьми и управляетъ событіями». (5)

Естественно, что при такомъ настроеніи массъ духовное теченіе, объявившее войну рационализму, должно было имѣть особенный успѣхъ. И многіе въ эти бурные годы совершили переходъ отъ вольтерьянства, кото-

рое, казалось, несло долю отвѣтственности за разрушенія французской революціи. къ масонству, враждебному исключительному культу разума.

Проповѣдуя путь нравственнаго самосовершенствованія, масонство давало исходъ духовнымъ стремленіямъ людей самыхъ разнообразныхъ индивидуальностей. Этому способствовала многочисленность его развѣтвленій не только на западѣ, но и въ Россіи. Ищущіе отвѣтовъ на соціально-политическіе вопросы примыкали къ иллюминатамъ (6), стремившіеся постигнуть природу и человѣка помощью мистическаго откровенія вступали въ розенкрейцерскія ложи (7). Осуществленію аскетическихъ подвиговъ (8), достиженію гармоніи духовнаго и тѣлеснаго началъ, наконецъ, удовлетворенію любознательности въ области тайныхъ наукъ (9). всему этому шло навстрѣчу влекущее своею таинственностью масонство.

Какъ показалъ академикъ А. Н. Пыпинъ, за сто лѣтъ, протекшихъ съ 1717 г., въ Россіи дѣйствовало 187 масонскихъ ложъ и не было въ масонствѣ такого теченія, которое не находило бы отраженія на русской почвѣ. (10)

Другимъ не менѣе сильнымъ факторомъ, подготовившимъ благоприятныя условія для

распространенія мистики въ русскомъ обществѣ, былъ католицизмъ.

Онъ обнаруживаетъ особую агрессивность съ конца 18-го вѣка, когда, пользуясь болѣзненною впечатлительностью Павла I, іезуиты съ патеромъ Груберомъ во главѣ, приобретаютъ значительное вліяніе на императора. Ихъ дѣятельность не ослабѣваетъ и въ послѣдующее царствованіе, но приобретаетъ болѣе тонкій и сложный характеръ. (11) Проводниками католическихъ идей являются не только представители духовенства, но и французскіе эмигранты, искусно соединяющіе легитимистскую пропаганду съ проповѣдью католицизма. Наиболѣе типичною среди нихъ фігурою нужно считать посланника сардинскаго короля Жозефа де Мэстра, бывшаго кумиромъ петербургскихъ великосвѣтскихъ салоновъ, благодаря своему краснорѣчію, образованности и литературному дарованію (12).

Мощнымъ орудіемъ въ рукахъ пропагандистовъ католицизма оказалась іезуитская школа. Цѣлая сѣть іезуитскихъ учебныхъ заведеній въ короткое время покрываетъ Россію александровской эпохи. Блестящая постановка образованія и планомѣрное проведеніе однородной воспитательной системы создаютъ большую популярность іезуитскимъ школамъ. Сюда стремится русская молодежь пре-

имущественно изъ высшихъ слоевъ общества, сюда же имѣлось намѣреніе отдать Пушкина. Такія учебныя заведенія, какъ извѣстный въ Петербургѣ пансіонъ аббата Николая, готовятъ будущихъ вѣрныхъ сыновъ римской церкви и адептовъ разнообразныхъ мистическихъ ученій (13).

Послѣднія размножаются въ первую четверть 19-го столѣтія въ Россіи съ большою быстротою, находя прозелитовъ и среди членовъ масонскихъ ложъ, и среди бывшихъ воспитанниковъ іезуитскихъ школъ. При всей нестротѣ мистическихъ теченій того времени можно выдѣлить три ихъ основныхъ типа, которые соотвѣтствовали при этомъ различнымъ степенямъ духовной подготовленности въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ.

Религіозно-философское теченіе, отличавшееся созерцательнымъ характеромъ, распространяло преимущественно идеи Эккартсгаузена и Штиллинга, причемъ широко пользовалось для воздѣйствія на общество печатнымъ словомъ. Для этой послѣдней цѣли служилъ журналъ «Сіонскій Вѣстникъ», руководимый виднѣйшимъ представителемъ этого теченія А. Ѡ. Лабзинымъ. (14)

Аскетически-проричательное теченіе, стремившееся цѣною угнетенія плоти достигнуть общенія съ Божественнымъ Началомъ и про-

никнуть въ тайны будущаго, имѣло многочисленныхъ послѣдователей во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Среди нихъ наиболѣе авторитетной и вліятельной была баронесса Крюденеръ, проповѣдническая экзальтація которой производила одно время сильное впечатлѣніе на императора Александра I. (15)

Наконецъ экстатически-сектантское теченіе имѣло корни въ народномъ, искажающе прямолинейномъ пріятіи идеи аскезы (напримѣръ, скопческая ересь). Его сущность, затемненная нарочито таинственностью и усложненная привхожденіемъ патологическихъ элементовъ, съ трудомъ поддается анализу. Это была мистическая амальгама, въ которой причудливо соединялись исканія духа истиннаго христіанства, жажда пророчественнаго вѣдѣнія и состоянія экстаза на радѣніяхъ, которыми пріобрѣла особенную извѣстность вліятельная въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ Татаринова (16).

Обывательская психологія, зараженная мистическимъ духомъ времени, не разбиралась въ отличительныхъ чертахъ указанныхъ трехъ теченій: она сливала во едино и религиозно-философскія исканія Лабзина, и прорицательный аскетизмъ Крюденеръ, и экстатическое сектантство Татариновой для того, чтобы создать въ широкихъ слояхъ населенія

предрасположенностъ къ мистическимъ настроеніямъ въ достаточной мѣрѣ неопредѣленныхъ и расплывчатыхъ очертаній.

Мистика звала прочь отъ «суемудрствованій лукаваго разума», родившихъ разрушительную бурю революціи, — и съ этой стороны она была желанной союзницей реакціонныхъ правительствъ, объединившихся въ Священный Союзъ (17).

Но та же мистика открывала возможность, забывая затхлую духоту, гнетущую въ полицейскомъ государствѣ, дышать воздухомъ горныхъ высотъ тѣмъ, которые не были способны на активный протестъ, но въ то же время не могли примириться съ унижающею человѣческое достоинство дѣйствительностью (18).

Итакъ, мистика реакціонная и мистика идеалистическая оказались двумя полюсами практическаго усвоенія жизнью единого духовнаго явленія.

Нужно ли говорить, который изъ двухъ этихъ полюсовъ былъ принятъ русской литературой?

Съ мистикой реакціонной, которая несла съ собою гоненіе на философію, цензурные запреты и навязываніе трафаретовъ ортодоксальныхъ вѣрованій, русской литературѣ было не по пути. Въ самые темные годы пра-

вительственного обскурантизма она предпочитала молчать, воздерживаясь этой цѣною отъ славословія гонителей просвѣщенія Руничей и Магницкихъ (19).

Такъ было въ закатные годы царствованія Александра I, такъ продолжалось въ эпоху желѣзнаго правленія императора Николая I.

Наоборотъ, мистика идеалистическая жадно искала пищи въ литературѣ и нашла ее въ изобиліи въ художественномъ творествѣ многихъ писателей того времени, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Все это надлежитъ имѣть въ виду при разрѣшеніи вопроса о мистическихъ вліяніяхъ на слагавшійся въ тѣ годы характеръ юнаго Пушкина.

Глава II

ЧЕРТЫ МИСТИКИ У ПУШКИНА

Война 1812 года сильно потрясла умы въ Россіи. Долго послѣ освобожденія Москвы не могли устояться волнующія мысли и нервное раздраженіе. Событія внѣ Россіи, взятіе Парижа, исторія Ста дней, ожиданія и слухи, Ватерлоо, Наполеонъ, плывущій за океанъ, трауръ по убитымъ родственникамъ, страхъ за живыхъ, возвращающіяся войска, ратники, идущіе домой — все это сильно дѣйствовало на самыя грубыя натуры.» (20)

Такъ пишетъ Герценъ въ той главѣ ставшихъ классическими мемуаровъ «Былое и думы», гдѣ онъ вспоминаетъ о своемъ другѣ — мистикѣ А. Л. Витбергѣ, геніальномъ строителѣ храма Христа Спасителя въ Москвѣ. И здѣсь же онъ связываетъ непосредственно переживанія современниковъ своего дѣтства и ранней юности съ распространявшимися среди нихъ мистическими настроеніями (21).

Интересно сопоставить это мѣсто воспоминаній Герцена со стихотвореніемъ Пушкина «19 октября 1836», гдѣ поэтъ также предается

размышленіямъ о томъ же періодѣ русской исторіи и усматриваетъ въ его событіяхъ сокровенный, мистическій смыслъ (22).

Обращаясь къ своимъ сотоварищамъ по Лицею, поэтъ говоритъ:

«Припомните, о други: съ той поры,
«Когда нашъ кругъ судьбы соединили.
«Чему, чему свидѣтели мы были! . . .
«Игралища таинственной игры.
«Метались смущенные народы,
«И высились, и падали цари,
«И кровь людей, то славы, то свободы.
«То гордости багрила алтари». (23)

Только что мы говорили объ историческихъ событіяхъ, подготовившихъ психологическую почву для воспріятія мистики въ Россіи (24). Но было бы ошибочно сосредоточивать все свое вниманіе только на этомъ одномъ факторѣ столь глубокаго и сложнаго явленія.

Говоря о томъ или иномъ литературномъ или общественномъ дѣятелѣ, отличавшемся склонностью къ мистикѣ, мы не имѣемъ права упрощать задачи изслѣдованія, ограничиваясь одною ссылкой на то обстоятельство, что онъ жилъ и дѣйствовалъ въ эпоху господства мистицизма. Не переоцѣнивая этого факта, мы обязаны рассмотреть по возможности всѣ условія, содѣйствовавшія вы-

работкѣ въ данномъ лицѣ мистическихъ чертъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нерѣдки случаи, когда не только современники мистическихъ эпохъ, но въ то же время и люди одинаковаго духовнаго развитія, соціальнаго положенія, воспитанія и привычекъ, подвергаясь мистическимъ вліяніямъ, въ концѣ концовъ перерабатываютъ ихъ, каждый совершенно по своему, а иногда и совсѣмъ отходятъ отъ нихъ въ послѣдствіи.

Въ этомъ отношеніи показательна судьба мистическихъ настроеній въ дружномъ и дѣятельномъ кружкѣ молодыхъ русскихъ шеллингианцевъ, образовавшихъ во второй половинѣ 1820-ыхъ годовъ редакцію журнала «Московскій Вѣстникъ».

Было время, когда мистическая жизнь ихъ производила впечатлѣніе чего-то однороднаго. Кажется, они и сами понимали это, потому что вовсе не обнаруживали авторскаго самолюбія на страницахъ своего органа печати. (25) Но шли годы — и вотъ къ порѣ ликвидаціи «Московскаго Вѣстника» одни, какъ историкъ Погодинъ и историкъ литературы Шевыревъ, понемногу охладѣваютъ къ мистикѣ, другіе, какъ беллетристъ Мельгуновъ, интересуются по преимуществу литературными отраженіями мистики и, наконецъ, третьи,

какъ князь В. Ѳ. Одоевскій, уходятъ въ область мистическаго опыта.

Очевидно, на расхожденіе въ путяхъ оказала вліяніе разность индивидуальностей — и вотъ учесть особенности пушкинской индивидуальности, обусловившія стойкость его мистическихъ настроеній, а также разсмотрѣть вліяніе разнообразныхъ факторовъ, содѣйствовавшихъ ихъ появленію и развитію, составляетъ задачу послѣдующихъ страницъ.

Сынъ Сергѣя Львовича Пушкина и Надежды Осиповны Ганнибалъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ являетъ во всей своей психо-физиологической структурѣ соединеніе чертъ славянскихъ (великорусскихъ) и негритянскихъ (абиссинскихъ). Профессоръ И. А. Сикорскій отмѣчаетъ фактъ двойной наслѣдственности у Пушкина, констатируя полученіе нѣкоторыхъ внѣшнихъ чертъ и инстинктовъ по руслу негритянской человѣчности и передачу всѣхъ остальныхъ, особенно высшихъ качествъ по русскому руслу бѣлой расы (26).

Въ связи съ указаннымъ фактомъ двойной наслѣдственности умѣстно будетъ задать себѣ вопросъ: отъ отца (по русскому руслу), или отъ матери (по руслу негритянскому) дошла къ Пушкину его мистическая предрасположенность?

Считаемъ необходимымъ сдѣлать сейчасъ же оговорку. Мы не придаемъ въ вопросѣ о склонности того или иного индивида къ мистикѣ рѣшающаго значенія наслѣдственности. Но, выясняя происхождение этой черты психическаго строя, признаемъ все же нелишнимъ остановиться на вопросѣ о возможности наслѣдственной передачи мистическихъ склонностей.

Для сужденія о предкахъ Пушкина, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны, мы обладаемъ довольно значительной литературой. Съ наибольшей добросовѣстностью, но нѣсколько конспективно и схематично, разработалъ этотъ вопросъ выдающийся пушкинистъ Б. Л. Модзалевскій (27). Нѣтъ недостатка свѣдѣній и въ мемуарныхъ записяхъ отца поэта С. Л. Пушкина (28), брата его Льва Сергѣевича (29) и въ особенности его племянника Льва Николаевича Павлицева.

Л. Н. Павлицевъ, сынъ сестры Пушкина Ольги Сергѣевны и Николая Ив. Павлицева, оставилъ послѣ себя обширныя записки «Изъ семейной хроники», напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1888 годъ. Къ сожалѣнію, авторъ слишкомъ часто увлекается фантазіей и рассказываетъ не только то, что было, но и что могло бы быть (30). Тѣмъ не менѣе источникъ этотъ настолько интере-

сень, что изслѣдователямъ Пушкина постоянно приходится пользоваться имъ, пропуская, впрочемъ, его показанія черезъ горнило строгой критики.

Для изслѣдователя же мистическихъ переживаній Пушкина и его семьи записки Л. Н. Павлицева совершенно необходимы. Авторъ ихъ всю жизнь находился подъ сильнымъ вліяніемъ матери своей, Ольги Сергѣевны, къ концу дней ушедшей въ мистицизмъ (31), и отъ нея унаслѣдовалъ особенно цѣпкое вниманіе къ мистическимъ фактамъ и настроеніямъ.

Не вдаваясь сейчасъ въ критику сообщаемыхъ Л. Н. Павлицевымъ свѣдѣній въ указанной области, подведемъ имъ нѣкоторые, намъ нужные, предварительные итоги.

Онъ сообщаетъ о шести мистическихъ явленіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ родѣ Пушкиныхъ и Ганнибаловъ, именно: о заgrabномъ благословеніи М. А. Ганнибалъ своего внука Л. С. Пушкина, (32) о таинственномъ видѣніи Над. Ос. Пушкиной (33), о двойникѣ С. Л. Пушкина (34), объ одновременномъ видѣніи Серг. и Вас. Льв. Пушкиныхъ (35), о предсмертныхъ видѣніяхъ А. Мих. Пушкина (36) и, наконецъ, о явленіи Вас. Льв. Пушкина передъ смертью своей племянницѣ во снѣ (37). Считаемо нужнымъ подчеркнуть, что изо всѣхъ приведен-

ныхъ мистическихъ явленій пять имѣло мѣсто въ родѣ Пушкиныхъ и лишь одно — въ родѣ Ганнибаловъ.

Кто же въ семьѣ Пушкиныхъ былъ, если можно такъ выразиться, обоснователемъ мистическихъ настроеній? Кажется, двухъ мнѣній по этому поводу существовать не можетъ: то былъ С. Л. Пушкинъ, имѣвшій въ своей библиотекѣ на почетномъ мѣстѣ сочиненія всѣхъ главнѣйшихъ мистическихъ писателей того времени (38) и на склонѣ дней своихъ усиленно рекомендовавшій чтеніе Сведенборга и Экартсгаузена, какъ вѣрное средство облегченія тяжелыхъ душевныхъ испытаній (39).

Какіе выводы можно сдѣлать изъ этихъ данныхъ? Во-первыхъ, мы имѣемъ право предположить, что мистическая традиція господствовала именно въ родѣ Пушкиныхъ, а не Ганнибаловъ, и во-вторыхъ, что наибольшей интенсивности мистическія настроенія въ пушкинской семьѣ достигаютъ у С. Л. Пушкина и дочери его О. С. Павлицевой (40).

Повидимому, Пушкинъ, вообще относившійся къ отцу со значительной долей холодности и недовѣрія, въ вопросахъ мистики находился подъ нѣкоторымъ его вліяніемъ.

Думается, что подъ фактъ передачи Пушкину мистическихъ склонностей по русскому

руслу, мы можемъ подвести и общій фундаментъ національнаго характера.

Въ одномъ изъ раннихъ своихъ сочиненій извѣстный польскій ученый профессоръ Маріанъ Здзѣховскій готовъ признавать мистическія склонности, въ связи съ художественною впечатлительностью, отличительными чертами славянскаго племени. (41) «Психологія не математика», пишетъ онъ, «поэтому трудно опредѣлить, гдѣ кончается поэзія и начинается мистицизмъ. Ясно лишь то, что неизбѣжные факторы поэтическаго творчества, чувство и фантазія, возбужденныя до послѣдней степени, составляютъ оплотъ мистическаго взгляда на міръ». (42) Частичныя проявленія этого взгляда М. Здзѣховскій видитъ въ литературахъ — русской (Гоголь и Хомяковъ), польской (Мицкевичъ, Красинскій и Словацкій), малорусской (Шевченко) и хорватской (Петръ Прерадовичъ). У всѣхъ названныхъ писателей, по изслѣдованіямъ М. Здзѣховскаго, національныя стремленія проявлялись въ мистической формѣ (43).

Въ частности, особенную склонность русскаго народа къ мистицизму подчеркиваетъ и Эрн. Радловъ (44).

Можно, не рискуя впасть въ ошибку, сказать, что если бы Пушкинъ не проявилъ интереса къ мистическимъ переживаніямъ, онъ

не былъ бы въ полной мѣрѣ русскимъ національнымъ поэтомъ. Именно русскій мистицизмъ ставитъ въ особенную заслугу Пушкину, въ противовѣсъ западно-европейскимъ критикамъ, академикъ Н. П. Дашкевичъ. (45)

Возможно, однако, что и негритянская (абиссинская) наслѣдственность сыграла нѣкоторую роль въ предрасположеніи Пушкина къ мистикѣ. Прямыхъ указаній по этому предмету мы не имѣемъ. Но мы знаемъ, что самъ Пушкинъ интересовался своими загадочными черными предками, Ганнибалами, значительно больше, чѣмъ Пушкиными, о чемъ свидѣтельствуютъ многократныя упоминанія объ «арапѣ Петра Великаго» и его многочисленномъ потомствѣ въ сочиненіяхъ поэта.

И косвенно происхождение Пушкина со стороны матери могло имѣть извѣстное значеніе въ дѣлѣ развитія его мистическихъ настроеній. «Потомокъ негровъ безобразный», какъ называлъ самъ себя поэтъ, съ живымъ интересомъ относился къ Востоку. Онъ мечталъ

«Среди полуденныхъ зыбей,
«Подъ небомъ Африки своей,
«Вздыхать о сумрачной Россіи» (46).

Онъ считалъ себѣ родными восточныя страны — колыбель загадочной для насъ мистической мудрости.

Глава III

ВПЕЧАТЛѢНІЯ ВОСТОКА

Востокъ есть отчизна всего чудеснаго», — читаемъ мы у Л. Тика. «Тамошнія мнѣнія, замѣчательныя вмѣстѣ по высокой своей древности и по простотѣ младенческой, часто представляютъ намъ таинственные, странные намеки и загадки, которые здравый разумъ доселѣ привыкъ отвергать, какъ себя недостойные. Такъ, напримѣръ, въ тамошнихъ пустыняхъ живутъ нерѣдко непонятные люди, которые у насъ называются сумасбродными, но тамъ бываютъ предметомъ всеобщаго почитанія, какъ существа природы высшей. Умъ восточныхъ жителей смотритъ на таковыхъ юродивыхъ, какъ на чудесныя воплощенія выпреннихъ духовъ, которые изъ странъ звѣзднаго міра нечаянно заблудились въ человѣческое тѣло и не умѣютъ примѣниться къ образу жизни человѣковъ. Но разумъ нашъ есть волшебный лакъ, котораго прикосновенія по нашему произволу измѣняютъ видъ всякаго предмета». (47).

Строки эти, характеризующія отношеніе ро-

мантиковъ къ востоку, появились въ русскомъ переводѣ только въ 1826 году. Пушкинъ сталъ знакомиться съ мусульманскимъ востокомъ въ 1820 году и письма его, относящіяся къ этому времени, полны восторженнаго восхищенія «краями полуденными» (48). Нѣкоторыя бытовыя мелочи горныхъ его скитаній по Крыму кажутся ему «какими то таинственными восточными обрядами» (49). Онъ подражаетъ въ тогдашнихъ своихъ произведеніяхъ, по собственнымъ его словамъ, «восточному слогу», который принимаетъ для себя за образецъ, но въ то же время считаетъ, что «европеецъ и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ европейца». (50)

Одновременно съ этимъ идетъ внимательное изученіе Пушкинымъ источника мусульманской мудрости — Корана. Сначала упоминанія о послѣднемъ носятъ у Пушкина шутливый характеръ (51), но постепенно онъ погружается въ Коранъ и проникается его религиозной поэзіей. Написанныя имъ уже въ селѣ Михайловскомъ «Подражанія Корану» убѣдительно свидѣтельствуютъ объ этомъ. «Въ нихъ», по словамъ комментатора Пушкина, «поэтъ выдѣлилъ изъ Корана лучшее и вѣчное въ немъ — высшую нравственную истину, жаръ божественной любви и вѣры, дающей

могущественную дѣйственную силу и поэтическій паѳосъ заключенному въ Коранѣ исповѣданію Ислама». (52) Недаромъ англійскій изслѣдователь Морфиль находитъ особенное очарованіе въ разработкѣ Пушкинымъ темъ изъ Корана. (53) Самъ поэтъ соединяетъ мистическое къ нему явленіе ангела утѣшенія со временемъ изученія Корана:

«Въ пещерѣ тайной въ день гоненья.
«Читаль я сладостный Коранъ;
«Внезапно ангелъ утѣшенья,
«Влетѣвъ, принесь мнѣ талисманъ».

Упомянутое о порѣ гоненія, какъ о времени знакомства съ Кораномъ, убѣждаетъ насъ, что таковое имѣло мѣсто именно въ пору ссылки Пушкина на югъ, т. е. въ періодъ съ 1820 по 1824 годъ (54).

Если мы дадимъ себѣ трудъ внимательно просмотрѣть произведенія Пушкина до этого времени, то мы не найдемъ въ нихъ мистическихъ настроеній въ собственномъ смыслѣ этого слова: встрѣчаются, правда, мотивы волшебства и превращеній, элементы демонологіи, но все это частью воспринято изъ французской поэзіи 18 вѣка, частью же является отголоскомъ сказочныхъ темъ, усвоенныхъ поэтомъ еще въ раннемъ дѣтствѣ отъ няни

Арины Родионовны и бабушки М. А. Ганнибалъ. (55)

Наоборотъ, въ разсматриваемый послѣдующій періодъ мистическіе мотивы, хотя и съ отѣнкомъ пародійности, слышатся все еще въ творчествѣ Пушкина. Не забудемъ, что это была пора его «аеизма». Именно въ это время изъ подъ пера его выходитъ «Гавриліада», которую напрасно одни критики разсматриваютъ съ осужденіемъ, какъ образецъ кощунственной порнографіи, а другіе — съ одобреніемъ за совершенную законченность формы. Думается, третья точка зрѣнія правильнѣе и болѣе отвѣчаетъ тогдашней психологіи Пушкина: это—вызовъ Богу, являющійся однимъ изъ тѣхъ религіозно-психологическихъ экспериментовъ, которые впоследствии съ большей рѣзкостью и во множествѣ покажутъ намъ герои Достоевскаго. (56).

Но наряду съ «Гавриліадой» создается Пушкинымъ одушевленное посланіе мистикъ-поэту Ѡ. Н. Глинкѣ («Къ Ф. Н. Глинкѣ»). Именно въ этой противорѣчивости — весь тогдашній Пушкинъ, порывистый и еще далекій отъ готовности пристать къ опредѣленному берегу.

Волнуетъ Пушкина и образъ демона: такъ создаются отрывки изъ неоконченной его поэмы, гдѣ демоническіе образы въ духѣ Гойи

переплетаются съ язвительными чертами злободневной сатиры; такъ пишется «Демонъ», въ которомъ, думается, комментаторы Пушкина заводятъ слишкомъ далеко персонификацію А. Н. Раевского, лишая тѣмъ стихотвореніе его общаго значенія. (57)

Встрѣчаются въ творествѣ Пушкина этого времени темы и видѣній («Недвижный стражъ дремалъ. . .»), и пророчества («Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ»), и оборотничества («Наперсница волшебной старины»), (58) и примѣты («Примѣты»).

Подчеркиваемъ, что эти мистическіе мотивы въ пору жизни Пушкина на югѣ уже не случайны: они входятъ въ качествѣ необходимой части въ его творчество. И то, что было накоплено поэтомъ за указанное время, заставляетъ осязательно себя чувствовать въ послѣдующіе періоды. Такъ, въ селѣ Михайловскомъ область мистическихъ темъ не только объемно расширяется, но и углубляется значительно ихъ трактовка. Наконецъ, въ позднѣйшій московскій періодъ, во вторую половину 1820-ыхъ годовъ, когда поэтъ становится особенно близокъ къ редакціи «Московского Вѣстника», подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ статей послѣдняго, у Пушкина должно было образоваться уже прочное обоснованіе мистики восточной народной мудростью (59).

Но вернемся къ роли семьи Пушкиныхъ въ дѣлѣ развитія мистическихъ настроеній поэта и остановимся теперь на семейной масонской традиціи.

Глава IV

МАСОНСТВО

Ранѣе указывалось, какое значеніе имѣло масонство въ процессѣ распространенія мистики въ царствованіе императора Александра I. Съ другой стороны, какъ замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ русскихъ историковъ, «развитіе масонства нельзя не сопоставить съ усиленіемъ мистицизма, съ которымъ оно въ прежніе годы было связано неразрывными узами. Старые масоны въ значительной степени сливались съ мистиками. И когда мистика получила правительственную санкцію, должно было развиваться и масонство, которое было гораздо болѣе по плечу свѣтскому обществу, чѣмъ идея какого бы то ни было религіознаго аскетизма, искренняго или неискренняго ханжества». (60)

Отмѣчая въ масонствѣ александровской эпохи симптомы вырожденія, С. П. Мельгуновъ однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ распространенія масонскихъ ложъ считаетъ тогдашнюю любовь ко всему таинственному, (61) сообщавшую масонству особенно привлекательный характеръ. (62)

Мы знаемъ уже о мистическихъ настроеніяхъ въ семьѣ Пушкина и, учитывая это обстоятельство, можно было бы уже заранѣе сказать, что семья эта должна дать представителей различныхъ теченій масонства.

И дѣйствительно, отецъ поэта Сергѣй Львовичъ въ 1814 году вступаетъ въ Варшавѣ въ масонскую «Ложу Сѣвернаго Щита» (63), въ 1817 году мы видимъ его въ шотландской «Ложѣ Александра», а въ 1818 году онъ выбывается въ «Ложу Сфинкса» (64).

Не менѣе дѣятельнымъ масономъ былъ дядя поэта Василій Львовичъ, связанный со своимъ великимъ племянникомъ не только узами родства, но и живой литературной пріязнью. (65)

Въ масонство онъ вступаетъ, повидимому, въ 1810 году (66). Начиная съ этого времени имя его встрѣчается въ спискахъ членовъ «Ложы Соединенныхъ Друзей». Затѣмъ онъ именуется членомъ петербургской «Ложы Елизаветы», (67) а въ 1819 году переходитъ въ московскую «Ложу Ищущихъ Манны». (68)

Повидимому, примѣръ отца и дяди оказалъ вліяніе на поэта, который, въ бытность свою въ Кишиневѣ, 4 мая 1821 года (69), вступаетъ въ «Ложу Овидія» (70). «Я былъ масонъ», пишетъ самъ Пушкинъ въ письмѣ къ В. А. Жуковскому, «въ кишиневской ложѣ т. е. въ

той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи» (71). Впрочемъ, масонское окруженіе Пушкина въ Кишиневѣ было вообще значительнымъ: кромѣ сотоварищей Пушкина по масонской «Ложѣ Овидія» на него имѣлъ несомнѣнное нравственное вліяніе его политическій опекунъ И. Н. Инзовъ, исполнявшій обязанности намѣстника Бессарабской области. Другъ и воспитанникъ масоновъ и самъ старый масонъ, Инзовъ оставилъ по себѣ навсегда у Пушкина благодарное воспоминаніе, о чемъ свидѣлствуютъ письма поэта. Последний называетъ его «добрымъ мистикомъ». (72). Сохранилось также извѣстіе о томъ, что одно время, именно передъ вступленіемъ своимъ въ «Ложу Овидія», Пушкинъ усердно читалъ масонскія книги изъ бібліотеки Инзова.

Вообще въ болѣе или менѣе тѣсное общеніе съ масонами Пушкинъ вступаетъ и во время своихъ наѣздовъ въ кіевское имѣніе будущихъ декабристовъ Давыдовыхъ «Каменку». Здѣсь, между прочимъ, онъ близко познакомился съ графомъ Густавомъ Олизаромъ, предсѣдателемъ масонской «Ложы Соединенныхъ Славянъ» въ Кіевѣ. Памятникомъ ихъ бесѣдъ осталось незаконченное посланіе Пушкина «Графу О***». (73)

Можетъ возникнуть вопросъ, имѣется ли на-

добность въ столь мелочныхъ изслѣдованіяхъ подробностей, обусловливавшихъ предрасположеніе Пушкина къ мистикѣ. Спѣшимъ оговориться: мы сами далеки отъ мысли придавать преувеличенное значеніе каждому факту изъ этой области въ отдѣльности. Но, въ общей совокупности, національность и наслѣдственность, семейныя традиціи, впечатлѣнія Востока, который поэтъ считалъ отчасти себѣ роднымъ, наконецъ, масонство, которое находилось въ семьѣ Пушкиныхъ, какъ мы видѣли, въ особенномъ почетѣ, — повторяемъ, все это вмѣстѣ взятое не могло не оказать вліянія на образованіе и развитіе мистическихъ чертъ личности Пушкина.

На нихъ мы теперь и остановимся, пользуясь для выявленія ихъ преимущественно собственными показаніями поэта.

Глава V

СУЕВѢРІЯ ПУШКИНА

Миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ», замѣчаетъ Пушкинъ въ одномъ изъ писемъ своихъ Дельвигу (74). Это утвержденіе могло бы быть обобщено: творимая легенда была ближе душѣ поэта, нежели трезвая и повседневная реальность.

Отсюда большое количество чертъ суевѣрія въ характерѣ Пушкина.

Среди нихъ на первомъ мѣстѣ приходится поставить то мистическое значеніе, которое онъ придавалъ снамъ (75).

Надъ этимъ вопросомъ Пушкинъ началъ задумываться, повидимому, еще въ лицѣ, когда ему стали сниться стихи, какъ свидѣтельствуемъ о томъ его первый биографъ П. В. Анненковъ. (76) Сны пророчатъ то бѣду, то предвѣщаютъ благополучіе. «Сегодня видѣлъ во снѣ, что она умерла», пишетъ поэтъ женѣ своей Н. Н. Пушкиной о княжнѣ Вяземской, «и проснулся въ ужасѣ. Ради Бога, берегись ты». (77) Въ одной изъ черновыхъ те-

традей Пушкина находимъ запись: «Послѣ объѣда во снѣ видѣлъ Кхбкр. (декабриста Кюхельбекера). 1 іюля — день счастливый». (78)

Вообще въ семьѣ Пушкина вѣра въ сны была весьма распространена. Такъ, придавалъ снамъ таинственное значеніе С. Л. Пушкинъ, о чемъ одновременно свидѣтельствуя и письма баронессы Е. Н. Вревской (79) и Л. Н. Павлицевъ (80). Послѣдній сообщаетъ намъ о тревожномъ снѣ С. Л. Пушкина, видѣнномъ имъ передъ женитьбой сына-поэта (81). О. С. Павлицева передъ кончиною своего дяди Василя Львовича видѣла о томъ пророчесвенный сонъ (82).

Живо интересоваться снами и заниматься толкованіемъ ихъ значенія было вполнѣ въ духѣ романтической мистики того времени. Этотъ вопросъ изслѣдовали и Яковъ Беме, и Францъ Баадеръ, и въ особенности Шубертъ. авторъ сочиненія «Символика сновъ» (1814). Позднѣе встрѣчаемъ во множествѣ сочиненій посвященныя психологіи сновидѣній (83).

Изъ русскихъ друзей и современниковъ Пушкина вопросомъ о значеніи сновидѣній серьезно занимались кн. В. Ѡ. Одоевскій (84) и И. В. Кирѣевскій. «Сновидѣнія», пишетъ послѣдній, «какъ бы отверстіе, въ которое мы можемъ подсмотрѣть дѣйствія таинственныхъ силъ въ нашей душѣ, а можетъ быть и нѣчто

большее. Въ эти минуты, когда всѣ остальные духовныя способности парализованы и внутреннее «я» живетъ свободно и невозмутимо, намъ слышны не только звучащія въ немъ голоса, но среди нихъ и Божьи глаголы» (85).

Не менѣе стойкой въ тогдашнемъ мистическомъ обиходѣ была вѣра въ примѣты (86).

Поэтическое объ этомъ признаніе Пушкина видимъ мы въ его стихотвореніи «Примѣты», написанномъ въ 1829 году и посвященномъ А. А. Олениной, къ которой сватался въ то время поэтъ:

«Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
«За мной вились толпой игривой,
«И мѣсяцъ съ правой стороны
«Сопровождалъ мой бѣгъ ретивый.
«Я ѣхалъ прочь: иные сны . . .
«Душѣ влюбленной грустно было,
«И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
«Сопровождалъ меня уныло.
«Мечтанью вѣчному въ тиши
»Такъ предаемся мы, поэты;
«Такъ суевѣрныя примѣты
«Согласны съ чувствами души». (87)

Это согласіе суевѣрныхъ примѣтъ съ чувствами души Пушкинъ выявляетъ въ своихъ писмахъ очень часто. „Que vous dirai je de mon voyage“, пишетъ онъ 3 ноября 1826 года своей пріятельницѣ кн. В. Ѳ. Вяземской. (88)

„Il continue sous les plus heureux auspices.“ Именно дорожные примѣты особенно занимаютъ и подчасъ тревожатъ Пушкина. «Только выѣхаль я на большую дорогу», сообщаетъ поэтъ женѣ о своихъ путевыхъ злоключеніяхъ 14 сентября 1833 года. «заяць перебѣжалъ мнѣ ее. Чортъ его побери, дорого бы далъ я, чтобъ его затравить» . . . Въ концѣ письма Пушкинъ въ досадѣ возвращается къ той же темѣ: «Дорого бы далъ я, чтобъ быть борзой собакой: ужъ этого зайца я бы отыскалъ». (89) Вспомнимъ попутно преданіе о томъ, что встрѣча со священникомъ и зайцемъ заставила Пушкина отказаться отъ самовольнаго отъѣзда изъ села Михайловскаго въ Петербургъ передъ 14 декабря 1825 года. (90) Въ слѣдующемъ письмѣ къ женѣ, отъ 2 октября 1833 же года, встрѣчаемся съ тою же темою: «Въѣхавъ въ границы Болдинскія, встрѣтилъ я поповъ, и такъ же озлился на нихъ, какъ на симбирскаго зайца. Не даромъ всѣ эти встрѣчи . . .» (91) Наоборотъ, поэтъ радуется рано выпавшему снѣгу, который предвѣщаетъ ему удачу въ работѣ. «Въ деревнѣ встрѣтилъ меня первый снѣгъ», пишетъ онъ женѣ 15 сентября 1834 года, «и теперь дворъ передъ моимъ окошкомъ бѣлешенекъ.» (92)

Наконецъ, находимъ въ письмахъ Пуш-

кина и тотъ мотивъ, который легъ въ основу цитированнаго выше стихотворенія «Примѣты». «Сегодня», пишетъ Пушкинъ женѣ 14 сентября 1835 года, «видѣлъ я мѣсяць съ лѣвой стороны, и очень о тебѣ сталъ беспокоиться» . . . (93) Интересно сопоставить эти строки со словами Пушкина о Татьянѣ въ пятой главѣ «Евгенія Онѣгина»:

« . . . Вдругъ увидя
«Младой двурогій ликъ луны
«На небѣ съ лѣвой стороны,
«Она дрожала и блѣднѣла.
«Когда жъ падучая звѣзда
«По небу темному летѣла
«И рассыпалася, тогда
«Въ смятеньи Таня торопилася.
«Пока звѣзда еще катилась,
«Желанье сердца ей шепнуть.
«Когда случилось гдѣ нибудь
«Ей встрѣтить чернаго монаха,
«Иль быстрый заяцъ межъ полей
«Перебѣгалъ дорогу ей —
«Не зная, что начать со страха,
«Предчувствій горестныхъ полна,
«Ждала несчастья ужъ она». (94)

Мы видимъ, что Пушкинъ надѣлилъ любимую свою героиню какъ разъ тѣми чертами суевѣрія, которыми отличался самъ.

Немалое значеніе придавалъ Пушкинъ так-

же предчувствіямъ и предвидѣньямъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя оставилъ, мнѣ все что то страшно за тебя», пишетъ онъ женѣ 8 декабря 1831 года. (95) «Подъѣзжая къ Болдину», читаемъ мы въ письмѣ къ ней же отъ 2 октября 1833 года, «у меня были самыя мрачныя предчувствія, такъ что, не нашедъ о тебѣ никакого извѣстія, я почти обрадовался». (96) Зналъ Пушкинъ и свою способность въ минуту вдохновенія проникать въ сокрытое завѣсою тайны будущее. «Я пророкъ, ей Богу, пророкъ», пишетъ Пушкинъ П. А. Плетневу въ декабрѣ 1825 года по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I. «Я «Андрея Шенье» велю напечатать церковными буквами во имя Отца и Сына etc.» (97) Въ этомъ мѣстѣ письма, по видимому, содержится намекъ на слова Андре Шенье о близкомъ паденіи тирана:

«И часъ придетъ . . . и онъ ужъ недалекъ:
«Падешь, тиранъ!». (98)

Стихотвореніе «Андрей Шенье» было дѣйствительно написано Пушкинымъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Александра I. Впрочемъ, Пушкинъ могъ указать еще на одинъ примѣръ такого же предвидѣнія, относящійся къ нѣсколько болѣе позднему времени. Въ стихотвореніи: «19 октября 1825 года» онъ,

обращаясь къ своимъ лицейскимъ товарищамъ, говорить:

«... Пируйте, о друзья!

«Предчувствую отрадное свиданье;

«Запомните жъ поэта предсказанье:

«Промчится годъ—и съ вами снова я...» (99)

Пророчество Пушкина, какъ извѣстно, исполнилось въ точности: онъ былъ возвращенъ изъ ссылки императоромъ Николаемъ I десять мѣсяцевъ спустя 3 сентября 1826 года. Едва ли можно дать этому явленію достаточныя логическія объясненія.

Чтобы покончить съ фактами предчувствій Пушкина о своей судьбѣ, напомнимъ дуэль поэта Ленскаго съ Онѣгинымъ, которая еще Лермонтову казалась прообразомъ послѣдняго поединка Пушкина. (100) Напомнимъ еще, что въ лицейской годовщинѣ «19 октября 1831 года», вспоминая о шести ушедшихъ изъ жизни товарищяхъ, поэтъ заканчиваетъ стихотвореніе пророчествомъ о себѣ:

«И, мнится, очередь за мной...

«Зоветь меня мой Дельвигъ милый,

«Товарищъ юности живой,

«Товарищъ юности унылой,

«Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,

«Пировъ и гордыхъ помышлений,

«Туда, въ толпу тѣней родныхъ,

«Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній». (101)

И опять таки предчувствіе не обмануло Пушкина: онъ оказался седьмымъ лицеистомъ перваго выпуска, покинувшимъ міръ.

О другихъ случаяхъ предчувствій Пушкина говорить не станемъ и ограничимся здѣсь ссылкой на Л. Н. Павлицева, приводящаго ихъ во множествѣ въ своихъ воспомина-ніяхъ. (102)

Въ заключеніе отмѣтимъ еще одну характерную черту пушкинскихъ суевѣрій: онъ вѣрилъ въ магическую силу вещей. (103) Такъ, онъ настоятельно требуетъ отъ брата присылки въ Михайловское завѣтнаго своего перстня, говоря, что ему «скучно безъ него». (104) Своему другу П. В. Нащокину онъ поручаетъ выслать ему обороненную у него «серебряную копѣечку» и прибавляетъ къ этому: «Ты ихъ счастію не вѣруешь, а я вѣрю». (105)

О суевѣріи Пушкина говорятъ многіе изъ его современниковъ. На это указываетъ интимно и близко знавшій поэта кн. П. А. Вяземскій. (106) По словамъ друга его С. А. Соболевскаго, Пушкинъ всю жизнь помнилъ о предсказаніи гадалки Кирхгофъ, которая пророчила ему бѣду отъ бѣлаго коня и бѣлокураго человѣка. (107) В. А. Нащокина сохранила извѣстіе о томъ, что Пушкинъ вѣрилъ въ счастливый фракъ, избѣгалъ бѣлокурыхъ людей и однажды былъ очень испу-

ганъ, когда за ужиномъ у Нащокина пролилъ на столъ масло. (108) Наконецъ, казанская знакомая Пушкина А. А. Фуксъ, вспоминая о посѣщеніи поэтомъ ея дома, сообщаетъ, что главнымъ предметомъ бесѣды съ нимъ былъ магнетизмъ, послѣ чего Пушкинъ, признавшись, что «вѣрить многому невѣроятному и непостижимому», рассказалъ А. А. Фуксъ объ известномъ уже намъ предсказаніи гадалки Кирхгофъ. (109)

Все, носившее характеръ необъяснимаго, привлекало къ себѣ пристальное вниманіе Пушкина. Такъ, подъ датой 17 декабря 1833 года, Пушкинъ записываетъ въ своемъ дневникѣ о странномъ случаѣ, заставившемъ много говорить о себѣ тогдашній суевѣрный Петербургъ. «Въ одномъ изъ домовъ, принадлежащихъ вѣдомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать. Дѣло пошло по начальству. Кн. В. Долгорукій нарядилъ слѣдствіе. Одинъ изъ чиновниковъ призвалъ попа, но во время молебна стулья и столы не хотѣли стоять смирно. Объ этомъ идутъ разные толки». (110) Нѣсколькими страницами далѣе, Пушкинъ 7 января 1834 года записываетъ слышанный имъ отъ Ф. Ф. Вигеля рассказъ о пророческомъ снѣ кормилицы Екатерины II, видѣвшей послѣднюю.

въ моментъ ея смерти, въ глуши захолустной бѣлорусской деревни. (111)

Иногда это пристрастіе къ необычному и необъяснимому доходитъ у Пушкина до крайностей почти комическихъ.

Такъ, онъ увлекается чрезовѣщателемъ — «вентрилокомъ» Александромъ Ваттемаромъ, о чемъ сообщаетъ въ письмѣ къ женѣ, (112) снабжаетъ Ваттемара рекомендаціей къ М. Н. Загоскину, бывшему тогда директоромъ московскихъ театровъ, (113) и, наконецъ, записываетъ Ваттемару въ альбомъ свой афоризмъ-автографъ. (114)

Всѣ эти штрихи характерны, конечно, не сами по себѣ: отдѣльно взятые, они могутъ служить показателями суевѣрія, которое является, въ сущности говоря, обывательской мистикой. Но у Пушкина черты эти пріобрѣтаютъ особое значеніе, переплетаясь съ соответствующими мотивами его творчества. Онѣ постепенно крѣпнютъ и ширятся во вторую половину его литературной дѣятельности.

Если бы мы взяли ихъ внѣ послѣдней, онѣ явились бы обнаруженіемъ тогдашнихъ бытовыхъ настроеній — не болѣе. Но ихъ устойчивость и послѣдовательность говорятъ за то, что подъ нихъ подведенъ былъ прочный идейный, хотя и не всегда ясно сознаваемый, фундаментъ.

Глава VI

ВОПРОСЪ О РЕЛИГИОЗНОСТИ ПУШКИНА.

Мы имѣемъ право задать себѣ вопросъ, въ какой именно области надлежитъ искать обоснованія пушкинской мистики — въ области религіозной, философской или чисто литературной?

Религіозность Пушкина была предметомъ великаго множества рѣчей, статей и замѣтокъ, начало которыхъ восходитъ къ 1880 году, т. е. ко времени открытія памятника Пушкину въ Москвѣ. Эта литература особенно оживляется въ 1887 и въ 1899 годахъ, въ юбилей-пятидесятилѣтній со дня смерти и столѣтній со дня рожденія поэта, но она очень легковѣсна и серьезнаго вниманія не заслуживаетъ.

Въ сущности говоря, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ литературныя произведенія о пушкинской религіозности являются типичными семинарскими разсужденіями на заданную тему. Передъ церковнымъ проповѣдникомъ въ день юбилея стоитъ задача, по мѣрѣ силъ и возможности, реабилитировать автора «Гавриліады» отъ обвиненій въ

атеизмъ и доказать, что такъ какъ въ концѣ жизни онъ исправился и вступилъ на путь истины, то можно съ особенно легкимъ сердцемъ молиться за упокой его души.

Понятно, что при такихъ условіяхъ произведенія этой категоріи не могутъ дать ничего сколько нибудь цѣннаго для научныхъ цѣлей. (115)

Только въ сравнительно недавнее время сдѣланы двѣ попытки разрѣшенія вопроса о пушкинской религіозности съ научной точки зрѣнія.

Мы говоримъ объ очеркѣ Владиміра Гиппіуса: «Пушкинъ и христіанство» (Петроградъ. 1915) и въ особенности объ изслѣдованіи Елены Кислицыной: «Къ вопросу объ отношеніи Пушкина къ религіи». (116)

Оба автора въ вопросѣ о религіозности Пушкина приходятъ, независимо одинъ отъ другого, къ выводамъ отрицательнымъ.

Усматривая въ Пушкинѣ значительную долю чувственной стихіи, Вл Гиппіусъ говоритъ, что послѣдняя «въ своемъ страданіи способна желать прямого самоотреченія, — умерщвленія плоти, смертельно изнемогшей въ огнѣ страстей. Пушкинъ остановился на богомольномъ преклоненіи передъ тѣлесной красотой, но его страдающая плоть и боялась смерти, и каялась, и бросалась въ самоотреченіе, и не

достигала вѣры. Два конца для Пушкина и были возможны. Одинъ — аскетическій, какъ созерцательное отреченіе отъ міра и его страстей. Другой — эстетическій, тоже созерцательный, созерцательное утвержденіе міра.

«Они оба соединяются въ бездѣйственности, стало быть — въ безрелигіозности.

«Онъ любилъ людей, но эта любовь осталась въ немъ тоже только художественной. и потому она оставалась въ стѣнахъ чувства тоже бездѣйственнаго, только ласковаго, почти никогда не осуждающаго. Такъ Пушкинъ остался у дверей и революціи, какъ остался у дверей религіи. Это самое знаменательное изъ всѣхъ совпаденій въ той тайнѣ, которую Пушкинъ унесъ съ собою». (117)

Еще категоричнѣе говоритъ объ этомъ Елена Кислицына, подводя итоги своему изслѣдованію.

«Принимая міръ въ лучшія свои минуты радостно и съ открытой душой, Пушкинъ тѣмъ самымъ какъ бы обнаруживаетъ увѣренность, что въ основѣ міра лежитъ добро и справедливость. Переживанія Пушкина въ эти минуты могутъ быть сравниваемы съ переживаніями истинно вѣрующаго. Но здѣсь только сходство, а не тождество: нѣтъ свидѣтельствъ въ творчествѣ Пушкина, что переживанія эти

связаны были для него съ чувствомъ близости Бога. У него «сердце матеріалиста» („mon coeur est matérialiste“), а разумомъ познать «вѣчную загадку» нельзя. Хотя, можетъ быть разумъ этому и противится: „Mon coeur est matérialiste, mais ma raison s'y refuse.“ Эти слова Пестеля о Пушкинѣ, записанныя имъ самимъ, находятъ параллель въ признаніи самого Пушкина:

«Умъ ищетъ Божества, но сердце не находитъ» . . . (118)

Сужденія на ту же тему, съ большой полнотой разобранную Вл. Гиппиусомъ и Ел. Кислицыной, встрѣчаемъ въ позднѣйшее время — въ очеркахъ академика Н. А. Котляревскаго и Вл. Ходасевича. Первый, въ сущности голословно, защищаетъ мысль о религіозности Пушкина, усматривая въ ней народно-національныя черты. «Народъ русскій», пишетъ Н. А. Котляревскій, «при всемъ своемъ суевѣріи, такъ же молчаливъ по религіозному вопросу, какъ Пушкинъ, который тоже былъ суевѣренъ». (119) Второй старается умалить значеніе атеистическихъ выступленій Пушкина въ литературѣ. «Кощунства» поэта въ лирикѣ Вл. Ходасевичъ характеризуетъ, «какъ неизмѣнно шуточные, а не воинствующія. Ихъ стрѣлы не ядовиты и не глубоко ранятъ. Они

— результатъ незнанія о Богѣ, а не борьбы съ Богомъ; въ нихъ много легкословія и нѣтъ ненависти къ Богу». (120)

Но тотъ же самый Вл. Ходасевичъ, кажется, самъ того не замѣчая, произноситъ суровый приговоръ въ вопросѣ о пушкинской религіозности. Онъ склоненъ усматривать въ кощунственныхъ произведеніяхъ Пушкина наличіе пародическаго элемента.

Строго говоря, съ религіозной точки зрѣнія, это — худшее, что можно сказать. Всякая пародія неизбѣжно равносильна профанаціи пародируемаго лица или темы: она свидѣтельствуетъ, по меньшей мѣрѣ, о неуважительномъ отношеніи къ нимъ. (121) Съ другой стороны подходъ къ религіозной темѣ съ такимъ опредѣленнымъ, сознательно примѣняемымъ литературнымъ приемомъ, какъ пародія, говоритъ о томъ, что тема эта давно уже перестала быть святымъ святыхъ души поэта и стала объектомъ литературнаго эксперимента, въ данномъ случаѣ литературной насмѣшки. На первый планъ, такимъ образомъ, выдвигается проявленіе не религіозности, но литературнаго интереса.

Впрочемъ, считаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку: мы далеки отъ принятія на вѣру, безъ критики, многочисленныхъ утвержденій современныхъ историковъ русской литературы

о «пародійности» пушкинскаго творчества. Въ недавнее время на тему эту установилась настоящая мода: кромѣ Вл. Ходасевича, ей платяты дань А. С. Долининъ-Искозъ, видящій въ «Повѣстяхъ Бѣлкина» пародію на маленькія трагедіи Пушкина, (122) Викт. Шкловскій, утверждающій, что «Евгеній Онѣгинъ» такой же пародійный романъ, какъ «Тристамъ Шенди» Стерна, (123) и, наконецъ, Вл. Ѳ. Боцяновскій, усматривающій въ «Исторіи села Горьхина» пародію на «Исторію русскаго народа» Полевого. (124) Кромѣ собственныхъ догадокъ по этому поводу да производимыхъ съ большими или меньшими натяжками сопоставленій и сближеній, для установленія пародійности, необходимо имѣть, если не авторитетныя показанія писателя, то во всякомъ случаѣ хотя бы достаточныя психологическія основанія. Къ сожалѣнію, немногіе изъ новѣйшихъ изслѣдователей этого типа удовлетворяютъ указаннымъ условіямъ.

Но возвратимся къ вопросу о пушкинской религіозности.

Сказаннаго выше, повидимому, достаточно для того, чтобы признать отсутствіе въ душѣ Пушкина истоковъ живой вѣры. (125)

Объ этомъ убѣдительно говоритъ, между прочимъ, именно та страница изъ «Путешествія въ Арзерумъ», на которую любятъ ссылаться

защитники пушкинской религіозности. Здѣсь рѣчь идетъ о способахъ укрощенія черкесовъ: Пушкинъ полагаетъ, что этому могло бы содѣйствовать вліяніе роскоши, введеніе употребленія самовара... и проповѣданіе Евангелія. Само по себѣ сопоставленіе трехъ этихъ способовъ говорить не въ пользу серьезнаго отношенія Пушкина къ религіи. Но даже если закрыть глаза на это обстоятельство, быть можетъ, случайное, то все же сужденія Пушкина о важности духовнаго миссіонерства среди кавказскихъ горцевъ имѣютъ болѣе значеніе соображеній культурно-государственныхъ, а не чисто религіозныхъ (126) и, думается, ихъ еще недостаточно для того, чтобы признать ихъ автора истинно вѣрующимъ христіаниномъ.

Итакъ, приходится признать, что не религіозность являлась обоснованіемъ пушкинской мистики. Но послѣдняя, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго, лишена была также и философскихъ устоевъ.

Глава VII

ОТНОШЕНИЕ ПУШКИНА КЪ ФИЛОСОФІИ

Скептическое отношеніе Пушкина къ философіи опредѣляется очень рано, именно въ Лицеѣ, (127) т. е. въ томъ юномъ возрастѣ, когда большинству молодежи, наоборотъ, очень импонируютъ занятія философіей.

Школьное ея изученіе рѣшительно не давалось Пушкину, о чемъ сохранились многочисленные рассказы его лицейскихъ товарищей. Дошло до насъ и документальное объ этомъ свидѣтельство въ отзывѣ профессора А. П. Куницына, который констатировалъ, что успѣхи Пушкина въ философскихъ предметахъ «очень невелики, а особливо по части логики». (128) Въ непосредственной связи съ этимъ обстоятельствомъ стоятъ ироническіе выпады Пушкина противъ философіи въ лицейскихъ его стихотвореніяхъ и, въ частности, въ недошедшей до нашего времени пятиактной комедіи въ стихахъ «Философъ». (129)

«Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ»,
воскликаетъ онъ въ стихотвореніи «Пиру-

ющіе студенты», а въ «Посланиі къ Лидѣ» говоритъ:

«Дороже мнѣ хорошій ужинъ

«Философовъ трехъ цѣлыхъ дюжинъ»...

Это отношеніе къ философіи можно признать отчасти навѣяннымъ нео-класическою литературною школою, которая оказывала сильное вліяніе на духовное развитіе юноши. Пушкина и которая проповѣдовала беззаботный практическій, но не философскій эпикуреизмъ». (130)

Для характеристики отношенія Пушкина къ философіи любопытный матеріалъ даютъ его взгляды на двухъ лицейскихъ профессоровъ — А. И. Галича и А. П. Куницына: оба философы, но первый — шеллингянецъ-электикъ, а второй — юристъ, читавшій нравственныя науки и популяризовавшій Руссо и Канта. (131) Пушкинъ добродушно подсмѣивается надъ своимъ «добрымъ Галичемъ», именуя его «философомъ» постоянно съ отѣнкомъ ироніи. Наоборотъ, упоминанія о Куницынѣ всегда исполнены уваженія и благодарности:

«Куницыну — дань сердца и вина:

«Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ

пламень...

«Поставленъ имъ краеугольный камень,

«Имъ чистая лампада возжена». (132)

Чѣмъ объясняется разность отношенія поэта къ двумъ учителямъ его юности? Мы не находимъ для нея достаточныхъ объективныхъ основаній: причина лежитъ въ чисто субъективномъ отталкиваніи Пушкина отъ философской отвлеченности и въ тяготѣніи его къ жизненно-трезвому и реальному. Научно-литературная дѣятельность Куницына давала отвѣты на запросы второй категоріи и черезъ это онъ былъ ближе душѣ поэта, нежели Галичь.

Съ годами отрицательное отношеніе къ отвлеченностямъ философій, къ метафизикѣ, не убываетъ, а наоборотъ крѣпнеть въ Пушкинѣ. Встрѣтившись въ 1821 году съ будущимъ декабристомъ П. И. Пестелемъ, онъ не почувствовалъ къ нему симпатіи въ результатѣ продолжительныхъ «разговоровъ метафизическихъ, политическихъ и нравственныхъ». «Когда Пушкинъ», рассказываетъ намъ И. П. Липранди, «въ первый разъ увидѣлъ Пестеля, то, рассказывая о немъ, говорилъ, что онъ ему не нравится, и, несмотря на его умъ, который онъ искалъ высказывать философическими сентенціями, никогда бы съ нимъ не могъ сблизиться.» (133) Именно склонность къ холодной философской созерцательности произвела на Пушкина въ Пестелѣ разочаровывающее впечатлѣніе.

Пушкинское отталкиваніе отъ философіи было яснымъ для многихъ его современниковъ. Такъ, въ письмѣ къ Пушкину, относящемся къ срединѣ января 1826 года, поэтъ Е. А. Баратынскій выражаетъ свою радость по поводу появленія книги Галича: «Опытъ науки изящнаго», но спохватывается и обрываетъ свои изліянія характерною фразою: «Впрочемъ, какое о томъ дѣло, особливо тебѣ». (134) Аналогичнаго значенія свидѣтельство находимъ мы въ дневникѣ Погодина. Оно записано подъ датю 4 марта 1827 года: «Къ Пушкину: — онъ декламировалъ противъ философіи, а я не могъ возражать дѣльно и больше молчалъ, хотя очень увѣренъ въ нелѣпости имъ говореннаго». (135)

Особенно примѣчательнымъ представляется то обстоятельство, что выпады эти противъ философіи дѣлаются Пушкинымъ въ періодъ особенно близкаго общенія его съ «любомудрами» и въ самый разгаръ сотрудничества въ «Московскомъ Вѣстникѣ», который имѣлъ репутацію «философическаго журнала». (136) Насколько чуждъ былъ Пушкинъ философскихъ увлеченій любомудровъ-шеллигианцевъ, объ этомъ убѣдительно свидѣтельствуемъ недавно найденное письмо Пушкина къ Дельвигу отъ 2 марта 1827 года. (137)

«Ты пеняешь мнѣ... за нѣмецкую метафизику», пишетъ поэтъ. «Богъ видитъ, какъ я ненавижу и презираю ее. Да что дѣлать! Собрались ребята теплые, упрямые; попь свое, а чортъ свое. Я говорю: «Господа, охота вамъ изъ пустого въ порожнее переливать — все это хорошо для нѣмцевъ, пресыщенныхъ уже положительными знаніями, но мы... «Московскій Вѣстникъ» сидитъ въ ямѣ и спрашиваетъ: «Веревка вещь какая»? (Впрочемъ, на этотъ метафизическій вопросъ можно бы и отвѣчать, да НВ.) А время вещь такая, которую съ никакимъ «Вѣстникомъ» не стану я терять. Имъ же хуже, если они меня не слушаютъ». (138)

Въ своемъ отношеніи къ философіи, Пушкинъ послѣдователенъ и нѣтъ въ данномъ случаѣ расхожденія между человѣкомъ жизни и поэтомъ: для того, чтобы укрѣпиться въ справедливости этого утвержденія, вспомнимъ добродушно-ироническую характеристику, даваемую Пушкинымъ «поклоннику Канта и поэту» Ленскому во второй главѣ «Евгенія Онѣгина». (139)

При наличіи охарактеризованнаго отношенія Пушкина къ философіи, мы были бы вправѣ ожидать бѣдности круга его чтенія философскихъ сочиненій. Въ дѣйствительности же библіотека Пушкина содержитъ

значительное количество трудовъ выдающихся мыслителей различныхъ эпохъ. Здѣсь мы находимъ творенія Ансильона, Балланша, Дидро, Фихте, Лабрюэра, Ламеннэ, Лейбница, Монтэня, Паскаля, Кинэ, Руссо, Сенеки, Вико и Вольтера. (140) Обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе сочиненій тогдашнихъ властителей думъ Канта, Шеллинга и Гегеля. Впрочемъ, первый представленъ обширной французской книгой о немъ, Л. Ф. Шена. (141) Примѣчательны слѣды пушкинскаго чтенія въ книгахъ Лерминье и Вико. (142) Здѣсь мы, повидимому, имѣемъ дѣло съ явленіемъ, аналогичнымъ факту предпочтенія Пушкинымъ Куницына Галичу. Создатель современной философіи исторіи Вико, также какъ и трудившійся въ сопредѣльной области мысли Лерминье, (143) говорили душѣ Пушкина болѣе, нежели «нѣмецкіе метафизики».

Изъ даннаго очерка отношеній Пушкина къ философіи, можно усмотрѣть, нѣсколько правъ былъ академикъ Н. П. Дашкевичъ, отрицавшій у Пушкина наличность опредѣленнаго философскаго міровозрѣнія (144) и какъ, наоборотъ, малоосновательны утвержденія Н. И. Черныяева о томъ, что Пушкинъ живо интересовался философскими вопросами и очень много читалъ по философіи. (145)

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду перво-

начально поставленный вопросъ, мы въ состояніи теперь съ положительностью сказать, что не философія являлась источникомъ мистическихъ элементовъ въ творествѣ Пушкина.

Остается третій путь проникновенія мистики въ жизнь и сочиненія Пушкина, именно путь литературный, на разсмотрѣніи котораго мы теперь и сосредоточимся.

Глава VIII

ПУШКИНЪ И РОМАНТИЗМЪ

Прежде всего представляется существенно важнымъ опредѣлить, какую роль вообще играла литература въ жизни Пушкина.

Въ результатѣ наблюденія пушкинскаго творчества и отраженій его личныхъ интересовъ и стремленій въ письмахъ и воспоминаніяхъ современниковъ, мы имѣемъ право утверждать, что литература заполнила жизнь Пушкина всецѣло и былъ онъ ей преданъ безраздѣльно.

Можетъ это показаться само собою разумѣющимся. Но сдѣлать такой выводъ побуждаетъ сравненіе Пушкина съ писателями — его современниками.

Въ самомъ дѣлѣ, въ отличіе отъ Пушкина они удѣляли часть своего времени и духовныхъ силъ, также на другія области дѣятельности, кромѣ литературной. Именно, Жуковскій былъ занятъ службой придворно-педагогической, Грибоѣдовъ и Батюшковъ — дипломатической, кн. Вяземскій — админи-

стративной, Лермонтовъ—военной, Крыловъ и Гнѣдичъ — ученой, по вѣдомству Императорской Публичной Библіотеки. Одинъ Пушкинъ въ тѣ времена заботливо берегъ свою свободу исключительно для литературнаго творчества. Въ написанныхъ въ 1833—1835 годахъ «Мысляхъ на дорогѣ» Пушкинъ рѣшительно защищаетъ профессиональныя занятія литературой и, въ частности, ставитъ въ заслугу Вольтеру, что онъ «овладѣлъ стихами, какъ важной отраслью умственной дѣятельности человѣка». (146) Эта необходимость оправдывать занятія только писательской дѣятельностью объясняется духомъ времени, когда положеніе «неслужащаго дворянина» признавалось почти предосудительнымъ. И тѣмъ характернѣе представляется это принципиальное желаніе Пушкина быть и оставаться только литераторомъ и ничѣмъ инымъ.

Эта жизнь въ литературѣ, опредѣлившаяся у Пушкина уже на ранней ступени сознательнаго отношенія къ окружающему, обусловила примыканіе его къ романтическому лагерю.

Послѣ школьнаго періода увлеченія неоклассиками, и то не фалангой суровыхъ законодателей литературнаго вкуса, а улыбочивыми пѣвцами беззаботнаго эпикуреизма, Пушкинъ выходитъ на широкую литератур-

ную арену съ поэмой «Русланъ и Людмила», которая приобрѣтаетъ значеніе литературнаго манифеста для русскихъ романтиковъ. Именно въ этомъ смыслѣ комментируетъ ее уже А. Θ. Воейковъ въ «Сынѣ Отечества» за 1820 годъ. «Поэма «Русланъ и Людмила», пишетъ онъ, «не эпическая, не описательная и не дидактическая поэма. Какая же она? Богатырская; въ ней описываются богатыри Владиміровы, и основаніе ея почерпнуто изъ старинныхъ русскихъ сказокъ; волшебная, ибо въ ней дѣйствуютъ волшебники; шуточная, что можетъ быть доказано многочисленными изъ нея выписками. Нынѣ сей родъ поэзіи называется романтическимъ».

(147)

Итакъ Пушкинъ, со времени появленія «Руслана и Людмилы», зачисляется въ лагерь романтиковъ. Впослѣдствіи значеніе Пушкина, какъ поборника принциповъ романтической поэзіи, обосновывается другомъ поэта кн. П. А. Вяземскимъ.

Такъ, въ статьѣ своей о «Кавказскомъ плѣнникѣ» П. А. Вяземскій отстаиваетъ права на существованіе романтической поэзіи именно ссылками на такія произведенія, какъ «Кавказскій плѣнникъ», въ которомъ «все дышетъ свѣжестью, все кипитъ живостью необыкновенною». (148) Годъ спустя кн. П.

А. Вяземскій предпосылаетъ изданному имъ «Бахчисарайскому фонтану» замѣчательное предисловіе, въ діалогической формѣ, подъ названіемъ «Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской Стороны или съ Васильевского Острова». Здѣсь, принимая въ качествѣ исходной точки своихъ сужденій «Бахчисарайскій фонтанъ» и творчество Пушкина вообще, кн. П. А. Вяземскій отмѣчаетъ то романтическое волненіе, которымъ характеризуется литературная жизнь 1820 годовъ, и считаетъ его результатомъ появленія поэмы Пушкина. Отражая возраженія противниковъ романтизма, осуждавшихъ его за ненаціональный характеръ, кн. П. А. Вяземскій доказываетъ, что романтическая поэзія не менѣе сродни русскимъ, чѣмъ поэзія Ломоносова и Хераскова, выдаваемая за поэзію классическую. При этомъ интереснымъ представляется то обстоятельство, что кн. П. А. Вяземскій, слѣдуя выводамъ Фридриха Шлегеля, допускаетъ компромисное соединеніе классицизма и романтизма, указывая на невыясненность вопроса о томъ, «что такое романтическій родъ и какія имѣетъ онъ отношенія и противоположности съ классическимъ». «Признаюсь», добавляетъ кн. П. А. Вяземскій, «по крайней мѣрѣ за себя, что еще не случалось мнѣ отыскать ни въ кни-

гахъ, ни въ умѣ своемъ, сколько о томъ ни читалъ, сколько о томъ ни думалъ, полного математическаго удовлетворительнаго рѣшенія этой задачи“

Объясняя отсутствіе общепризнаннаго опредѣленія романтизма молодостью этого литературнаго направленія, кн. П. А. Вяземскій перечисляетъ рядъ отличительныхъ его чертъ вообще и въ частности въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» Пушкина, причемъ обращаетъ особое вниманіе на мѣстный колоритъ (*couleur locale*). (149) «Цвѣтъ мѣстности», замѣчаетъ онъ, «сохраненъ въ повѣствованіи со всею возможною свѣжестью и яркостью. Есть отпечатокъ восточный въ картинахъ, въ самыхъ чувствахъ, въ слогѣ». (150)

Въ заключеніе кн. П. А. Вяземскій указываетъ еще на одну черту, присущую романтическимъ произведеніямъ, именно — на то богатство движенія, которое легко увлекаетъ читающаго въ ходъ воспроизводимаго дѣйствія. «Въ твореніи Пушкина», говоритъ кн. П. А. Вяземскій, «участіе читателя поддерживается съ начала до конца». Нѣкоторая недосказанность, характерная для романтическихъ поэмъ и наблюдаемая въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», способна только завлечь читателя и возбудить къ живой дѣятельности его воображеніе. «Зачѣмъ», спрашиваетъ кн.

П. А. Вяземскій, «все высказывать и на все напирать, когда имѣемъ дѣло съ людьми понятія дѣятельнаго и остраго?»

Предисловіе Вяземскаго привело Пушкина въ восхищеніе. «Разговоръ» — прелесть: какъ мысли, такъ и блистательный образъ ихъ выраженія», пишетъ онъ своему критику 1 апрѣля 1824 года изъ Одессы. «Сужденія неоспоримы. Слогъ твой чудесно шагнулъ впередъ... Знаешь ли что? Твой «Разговоръ» болѣе писанъ для Европы, чѣмъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи романтической поэзіи». (151)

Начиная съ появленія отмѣченнаго «Разговора», Пушкинъ замѣтно солидаризируется въ литературныхъ взглядахъ вообще и во мнѣніяхъ о романтизмѣ въ частности съ кн. Вяземскимъ. (152) Блестящій пропагандистъ романтическаго направленія, (153) этотъ послѣдній оказалъ немалое вліяніе на выработку литературныхъ взглядовъ Пушкина, (154) который вообще обнаруживаетъ склонность признавать себя однимъ изъ дѣятелей современнаго ему романтизма. (155)

Впрочемъ, собственныя сужденія Пушкина о романтизмѣ довольно отрывочны и мало послѣдовательны. То онъ признаетъ необходимымъ подходъ къ романтизму со стороны формальной, то оста-

навливается на оцѣнкѣ его содержанія. Онъ старается провести разграничительную линію между истиннымъ и ложнымъ романтизмомъ. Къ представителямъ второго онъ относитъ, между прочимъ, своего героя Ленскаго, говоря о его творчествѣ:

«Такъ онъ писалъ темно и вяло
«Что романтизмомъ мы зовемъ,
«Хоть романтизма тутъ нимаго
«Не вижу я» ... (156)

Не усматриваетъ Пушкинъ романтизма и во многихъ произведеніяхъ современной ему лирики. «Читая мелкія стихотворенія, величаемыя «романтическими», я въ нихъ не видѣлъ и слѣдовъ искренняго и свободнаго хода романтической поэзіи, но жеманство лжеклассицизма французскаго». (157)

Итакъ не затемненность, туманность и вялость, но простота, искренность и свобода составляютъ, по мнѣнію Пушкина, отличительныя черты и преимущества романтизма, сравнительно съ французскимъ классицизмомъ. (158) Послѣднимъ условіямъ всего болѣе удовлетворяетъ Шекспиръ, «установившій законы народной драмы». Этимъ же требованіямъ старался слѣдовать и Пушкинъ въ своемъ «Борисѣ Годуновѣ», печатая котораго поэтъ опасался, что «робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма». (159)

Отсюда легко заключить, что трагедию свою Пушкинъ считалъ образцомъ истинно-романтического произведенія. (160)

Сопоставляя теоретическія сужденія Пушкина о романтизмѣ съ его художественнымъ творчествомъ, приходимъ къ выводу, что Пушкинъ оставался вѣренъ романтическому знамени какъ въ своихъ исканіяхъ, такъ и въ своихъ достиженіяхъ, объединяющихъ поэзію съ жизнью. И правъ академикъ Н. П. Дашкевичъ, когда говоритъ, что «жизненный нервъ всей поэзіи Пушкина заключался въ романтикѣ; ею же было обусловлено многое въ личной жизни поэта. Пушкинъ былъ романтикъ, но романтикъ самобытный». (161) Самобытность пушкинскаго романтизма Н. П. Дашкевичъ склоненъ видѣть въ глубокой національности его творчества. «Раздѣляя во многомъ настроенія одной изъ двухъ главныхъ фракцій, на которыя распалась западно европейская романтика, (162) Пушкинъ въ то же время сохранилъ всѣ черты національнаго поэта, и наиболѣе справедливымъ будетъ назвать его чисто русскимъ романтикомъ, романтикомъ русской дѣйствительности». (163)

Но утверждая, что Пушкинъ съ первыхъ же самостоятельныхъ шаговъ на пути литературнаго творчества и до самаго конца оста-

вался романтикомъ, мы становимся въ противорѣчіе съ распространеннымъ мнѣніемъ о томъ, что во вторую половину жизни поэта Пушкина - романтика смѣнилъ Пушкинъ - художественный реалистъ.

Послѣднее мнѣніе представляется основаннымъ, съ нашей точки зрѣнія, на нѣкоторомъ заблужденіи.

Думается, что русскіе критики, а за ними и русскіе историки литературы, нѣсколько злоупотребляли понятіемъ художественнаго реализма въ соотношеніи его съ романтическимъ направленіемъ. По ихъ толкованію, эволюція творчества Пушкина, Лермонтова и Гоголя совершалась, въ сущности, по общему шаблону: сначала писатели эти были романтиками, а затѣмъ, со времени наступленія зрѣлости ихъ таланта, становились художественными реалистами.

За послѣднее время эта точка зрѣнія, въ особенности примѣнительно къ Гоголю, представляется поколебленной: Валерій Брюсовъ (164) и Котляревскій (165), Мережковскій (166) и Венгеровъ (167) признаютъ факты весьма отдаленнаго отхода Гоголя отъ дѣйствительности и сохраненія имъ романтическихъ чертъ во всѣхъ произведеніяхъ художественнаго творчества. (168) Кажется, пора

съ той же точки зрѣнія посмотрѣть и на литературный путь Пушкина.

Очень долго держался взглядъ, что романтизмъ и реализмъ враждебно противоположны другъ другу. Однако, новые изслѣдователи литературы уже не раздѣляютъ этого воззрѣнія: такъ, напримѣръ, Пелисье (169) указываетъ на наличие реализма въ романтизмѣ и на уживаемость двухъ этихъ литературныхъ теченій.

И въ сущности говоря, творчество Пушкина можетъ быть наилучшимъ доказательствомъ правильности вышеприведенной мысли. Поэтъ постоянно переплетаетъ мотивы романтическіе съ мотивами реализма (170) и даетъ намъ въ этомъ процессѣ впечатлѣніе вполне дѣйствительной жизненности въ силу того, что, по выраженію Мельхиора де Вогюэ, „le naturel est qualité maitresse“ въ поэзіи Пушкина. (171)

Если мы возьмемъ произведенія послѣдняго періода творчества Пушкина, отмѣченнаго, по мнѣнію многихъ историковъ русской литературы, поворотомъ поэта на путь художественнаго реализма, напримѣръ, его «Пиковую даму», то увидимъ и здѣсь столь характерный для Пушкина сплавъ романтическихъ и реалистическихъ мотивовъ. Германъ, скромный инженерный офицеръ,

съ профилемъ Наполеона, одержимый страстью къ обогащенію, «лицо истинно романтическое», по словамъ Томскаго, — на фонѣ игорнаго азарта, входящій въ его душу таинственный образъ „Vépus moscovite“ обладательницы тайны трехъ счастливыхъ картъ, — притворная любовь его къ бѣдной дѣвушкѣ — переплетаются съ подробностями повседневной дѣйствительности. Неукротимость алчной страсти и мистика игры, искушеніе судьбы своей, вѣщій сонъ и явленіе изъ загробнаго міра — все это въ оправдѣ трезвой реальности, съ которой не можетъ сжиться «фантастическая» душа азартнаго игрока, дважды испытавшаго улыбку счастья и послѣ жестокаго удара судьбы уходящаго въ темноту безумія, — вотъ истинно романтическая концепція, но обрисованная реалистическими чертами. Можно ли говорить здѣсь о литературной двуличности Пушкина? Не правильнѣе ли усмотрѣть въ «Пиковой дамѣ», какъ и во всѣхъ другихъ пушкинскихъ произведеніяхъ позднѣйшаго періода, все тотъ же романтизмъ, но не чуждающійся реализма, а наоборотъ впитывающій его въ себя. (172) Впрочемъ то, что звучитъ отчасти еретически въ примѣненіи къ русскимъ писателямъ, именно — утвержденіе объ одновременности ихъ романтическихъ и реали-

стическихъ переживаній, представляется уже доказаннымъ относительно писателей французскихъ — Стендаля, (173) Мериме (174) и Бальзака (175), которыхъ внимательно и подробно изучалъ и Пушкинъ.

Онъ былъ истиннымъ поборникомъ романтизма въ томъ самомъ смыслѣ, который сообщаемъ мы этому слову. Кажется, ни у одного изъ русскихъ писателей не совершается такъ наглядно этотъ романтическій процессъ расширенія и углубленія міроощущенія, какъ въ творествѣ Пушкина. И если бы поэтъ дѣйствительно сталъ на путь художественнаго реализма исключительно, онъ ограничилъ бы себя, сузилъ бы значительно тѣ огромныя возможности міроощущенія, которыя были открыты и доступны ему при вѣрности романтическому знамени.

Глава IX

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ МИСТИКИ ПУШКИНА

Именно по романтическому руслу вошла мистика въ творчество Пушкина, — въ творчество, говоримъ мы, а не въ жизнь, потому что въ жизнь его проникла она ранѣе въ силу многообразныхъ причинъ, приведенныхъ уже ранѣе. Въ романтизмѣ мистика, столь близкая суевѣрной душѣ Пушкина, нашла не только свое оправданіе, но и обоснованіе. И если «касаніе мірамъ инымъ» было невозможно подѣ язвительно-холодной усмѣшкой «фернейскаго отшельника» Вольтера, любимца юности Пушкина, то оно стало свободнымъ и легкимъ подѣ участливыми и внимательными взорами позднѣйшихъ литературныхъ его знакомцевъ Тика и Гофмана.

Самый характеръ мистики въ творествѣ Пушкина уже выдаетъ ея литературное происхожденіе и воспріятіе ея въ романтизмѣ.

Пушкинъ разсматриваетъ мистическіе факты въ своихъ произведеніяхъ почти исключительно какъ литературныя темы. Мы хотимъ

сказать, что его интересует мистическое переживание не само по себѣ, но отраженіе его въ литературномъ творествѣ. При этомъ мистическое переживание у него оказывается лишь частичнымъ проявленіемъ мистической практики, но не полнымъ выявленіемъ мистицизма, какъ жизненно важной для него религіозно-философской системы. Если бы въ творествѣ Пушкина мы имѣли дѣло съ мистицизмомъ, а не съ мистикой, то самоодвѣвающее значеніе перваго должно было бы отодвинуть назадъ форму выраженія и исключить отношеніе, какъ къ литературной темѣ, заполнивъ все духовное существо автора интересомъ къ мистицизму самому по себѣ, какъ къ таковому.

Съ другой стороны, мистическія темы у Пушкина, за малыми исключеніями, лишены характера нарочитости и самостоятельности. Онѣ часто играютъ только атрибутивную роль въ процессѣ романтическаго воспріятія жизни. Пушкинъ не специализируется на мистическихъ темахъ, въ отличіе отъ другихъ романтиковъ — нѣмецкаго Гофмана или русскаго Погорѣльскаго. Для него мистика является однимъ изъ многихъ звеньевъ цѣпи романтическихъ переживаній.

Мало того: въ отношеніи Пушкина къ мистическимъ темамъ можемъ мы подчасъ под-

мѣтитъ долю какой то стыдливости. Суевѣрный по природѣ, онъ словно стѣсняется своего суевѣрія и затѣняетъ склонность къ таинственному легкой ироніей надъ нимъ. Но необходимо отмѣтить, что послѣдняя, проступая въ художественной прозѣ Пушкина, не чувствуется въ его стихахъ. Вѣроятно, обстоятельство это объяснимо психологически: въ прозѣ Пушкинъ неизмѣнно ясенъ, четокъ и лишенъ той экзотичности, которую допускаетъ въ стихахъ. Экстазъ въ прозѣ Пушкина описывается рѣдко: мы можемъ сейчасъ напомнить два случая такихъ описаній, именно: пиръ Пугачева въ «Капитанской дочкѣ» и импровизацію артиста - итальянца въ «Египетскихъ ночахъ». При этомъ представляется характернымъ, что для передачи впечатлѣнія экстаза Пушкинъ и въ первомъ и во второмъ случаѣ прибѣгаетъ къ стихамъ, которыми завершаетъ упомянутыя сцены. (176)

При всей склонности Пушкина къ таинственному и необъяснимому, уживавшейся съ отсутствіемъ истинно религіознаго чувства, при многообразіи его суевѣрій, (177) онъ со значительною долею критики относился къ суевѣріямъ чужимъ. Авторъ интересныхъ, но прошедшихъ незамѣченными въ пушкинской литературѣ воспоминаній, Е.

А. Драшусова-Карлгофъ (178) рассказываетъ о томъ, что когда подавляющее большинство петербургской публики увлекалось мнимымъ открытіемъ астронома Гершеля объ обитаемости луны, (179) Пушкинъ скептически относился къ таинственнымъ рассказамъ на эту тему, видя въ нихъ вздорное суевѣріе. (180). Рассказъ Е. А. Драшусовой-Карлгофъ вполне подкрѣпляется тѣми опроверженіями слуховъ объ открытіи Гершеля, которые находимъ на страницахъ пушкинскаго «Современника» за 1836 годъ. (181)

Иное отношеніе видимъ мы у Пушкина къ научно обоснованнымъ попыткамъ проникнуть въ тайну будущаго и предсказать возможный ходъ грядущихъ событій. Такъ, судя по кругу его чтенія, опредѣляющемуся составомъ его библіотеки, интересовала его теорія вѣроятностей. И это — несмотря на крайнюю нелюбовь Пушкина къ математикѣ. Въ библиографическомъ трудѣ Б. Л. Модзалевскаго «Библіотека А. С. Пушкина» мы находимъ три, принадлежавшихъ Пушкину, научныхъ труда по теоріи вѣроятностей, а именно: „Théorie analytique des Probabilités“ (Paris. 1818), „Traité élémentaire du calcul des probabilités“, par S. F. Lacroix (Paris. 1822) и „Essai philosophique sur les Probabilités,“ par M. le Marquis De Laplace (Paris. 1825)

Если сопоставить этот фактъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Пушкинъ въ третьей книжкѣ своего «Современника» помѣстилъ статью ученаго математика князя Козловскаго «О надеждѣ», въ которой дана популярная характеристика теоріи вѣроятностей, (182) позволительно говорить о повышенномъ интересѣ Пушкина къ послѣдней уже со значительною степенью обоснованности.

Что же лежало въ корнѣ этого, проявленнаго Пушкинымъ, интереса? Думается, здѣсь мы имѣемъ дѣло все съ тѣмъ же обостреннымъ желаніемъ проникнуть въ тайны будущаго, характернымъ для духовной личности Пушкина. Возможно, что сыграло тутъ подстрекающую роль еще и то обстоятельство, что теорія вѣроятностей находила себѣ примѣненіе въ дѣлѣ исчисленія шапсовъ при игрѣ. Склонный къ игорному азарту, Пушкинъ часто сочетаетъ мотивы мистики съ мотивами азарта: мы видимъ это и въ «Пиковой дамѣ», и въ записанномъ со словъ Пушкина разсказѣ «Уединенный домикъ на Васильевскомъ».

Итакъ, мы признаемъ доказаннымъ, что мистическіе элементы вошли въ пушкинское творчество не философскимъ и не религіознымъ, но литературнымъ путемъ. И дальше мы можемъ предположить повышенный ин-

тересъ Пушкина къ писателямъ - мистикамъ какъ его времени, такъ и эпохъ прошедшихъ.

Иначе говоря, передъ нами становится теперь вопросъ о литературно-мистическомъ окруженіи Пушкина. Для его разрѣшенія въ распоряженіи нашемъ имѣется достаточное количество данныхъ: онѣ почерпнуты прежде всего изъ сочиненій Пушкина, въ частности изъ его писемъ, изъ показаній современниковъ, а также изъ библиографическихъ фактовъ, устанавливаемыхъ разсмотрѣніемъ состава его обширной библіотеки.

Но этотъ интересный вопросъ долженъ быть предметомъ особаго изслѣдованія.

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1 О пропитанности романтизма мистикой см., напримѣръ, у С. Шамбинаго: Трилогія романтизма. Москва. 1911. Стр. 9 и слѣд.
- 2 С. С. Трубачевъ: Пушкинъ въ русской кригикѣ (1820—1880). СПб. 1889. Стр. 351—352 и слѣд.
- 3 «Любовь мертвеца» у Лермонтова и Альфонса Карра // «Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» за 1916 годъ. Т. XXI, кн. I.
- 4 Пушкинъ и Гофманъ. Сравнительное историко-литературное изслѣдованіе. Mit einem deutschen Referat: Puschkin und E. T. A. Hoffmann, von S. v. Stein. Dorpat 1927—1928. „Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis).“ В. XIII. 2.
- 5 Біографія Ал. Ив. Кошелева. Т. I. Кн. I. Москва. 1889. Стр. 383.
- 6 Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Т. I. Москва. 1914. Статья А. М. Васютинскаго: Орденъ иллюминатовъ.
- 7 Тамъ же. Т. II. Москва. 1915. Статья Е. И. Тарасова: Московское общество розенкрейцеровъ. Кромѣ того статья А. В. Себеки: Русскіе розенкрейцеры и сочиненія Екатерины II противъ масонства. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1902 годъ. № 2.
- 8 П. Н. Сакулинъ, Новая русская литература. Москва. 1908. Стр. 120—121.
- 9 Уже въ новиковскомъ масонскомъ кружкѣ къ мистикѣ примѣшивались алхимія, астрологія, кабаллстика и т. д.
- 10 А. Н. Пыпинъ: Хронологическій указатель русскихъ ложъ отъ перваго введенія масонства до его запрещенія — въ сочиненіи того же автора: Русское масонство. Петроградъ. 1916. Стр. 498—532.

- 11 М. Морозкинъ: Иезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II до нашего времени. СПБ. 1867—1870. Части I и II.
- 12 Н. Ѳ. Дубровинъ: Русская жизнь въ XIX столѣтіи. Статьи въ журналѣ: «Русская Старина» за періодъ съ 1896 по 1902 г.
- 13 С. В. Рождественскій: Исторія системъ народнаго образованія въ Россіи. СПБ. 1902. — См. также В. В. Каллашъ: Очерки по исторіи школы и просвѣщенія. Москва. 1902.
- 14 Воспоминанія А. Е. Лабзиной (1758—1828). Съ предисловіемъ Б. Л. Модзалевскаго. СПБ. 1903.
- 15 А. Н. Пыпинъ: Госпожа Крюденеръ. «Вѣстникъ Европы» за 1868 годъ. №№ 8 и 9.
- 16 Н. Ѳ. Дубровинъ: Наши мистики и сектанты. «Русская Старина» за 1894 годъ, №№ 9—12, за 1895 годъ, №№ 1, 2, 10—12 и за 1896 годъ, №№ 1 и 2.
- 17 В. Надлеръ: Императоръ Александръ I и идея Священнаго Союза. Рига. 1886—1892. Т. I—V.
- 18 Справедливость этого утвержденія можетъ быть показана на рядѣ примѣровъ изъ исторіи общественной жизни того времени. Вспомнимъ хотя бы печальный жизненный путь архитектора-мистика А. Л. Витберга и годы юности А. И. Герцена.
Сказанное о мистическихъ теченіяхъ срвн. съ книгою С. П. Мельгунова: Дѣла и люди Александровскаго времени (Берлинъ. 1923. Стр. 235—255), широко нами здѣсь использованною.
- 19 А. М. Скабичевскій: Очерки исторіи русской цензуры. СПБ. 1892. — Н. А. Энгельгардтъ: Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати. СПБ. 1904. — А. Котовичъ: Духовная цензура въ Россіи. СПБ. 1909.
- 20 А. И. Герценъ: Сочиненія. Т. II. «Былое и думы». СПБ. 1905. Стр. 211.
- 21 А. И. Герценъ: «Былое и думы». Берлинъ. 1921. Томъ I. Напр., стр. 375: о мистикѣ зодчества, стр. 377: о мистицизмѣ эпохи, стр. 387: о Сведенборгѣ и стр. 388: о личной склонности къ ми-

- стицизму (въ юношескій періодъ увлеченія Герцена Н. А. Захарьиной).
- 22 Сравненіе въ цѣломъ цитированной выше страницы изъ «Былого и думъ» и стихотворенія: «19 октября 1836» заставляеть видѣть у Герцена припоминаніе (реминисценцію) изъ Пушкина.
- 23 Зарожденіе этой темы можно усмотрѣть въ разговорѣ Пушкина объ отношеніи французовъ къ своему историческому прошлому, имѣвшемъ мѣсто у А. О. Смирновой. См. Записки А. О. Смирновой. СПб. 1895. Часть I. Стр. 189. См. еще Сочиненія и письма Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова. СПб. 1909. Т. II. стр. 217.
- 24 С. П. Мельгуновъ: Дѣла и люди Александровскаго времени. Берлинъ. 1923. Стр. 235—255.
- 25 Обращаетъ на себя вниманіе обиліе неподписанныхъ статей въ «Московскомъ Вѣстникѣ», что можетъ служить показателемъ редакціонной солидарности сотрудниковъ этого журнала.
- Вотъ какъ характеризуетъ кружокъ «любомудровъ» Пушкинъ въ 1833 году: «Философія нѣмецкая, которая нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаетъ уступать духу болѣе практическому. Тѣмъ не менѣе, вліяніе ея было благотворно: она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія». Сочиненія и письма А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова. СПб. 1909. Томъ VI, стр. 333.
- 26 Проф. И. А. Сикорскій: Антропологическая и психологическая генеалогія Пушкина. Кіевъ. 1912. Стр. 11—12.
27. В. Л. Модзалевскій: Родъ Пушкина. См. «Библиотеку великихъ писателей», подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ. СПб. 1907. Томъ I, стр. 1—24.
- 28 «Отечественныя Записки» за 1841 г. № 4 (Особое приложение).
- 29 Біографическія извѣстія объ А. С. Пушкинѣ до

- 1826 года. «Москвитянинъ» за 1853 годъ. Ч. III. № 10, кн. 2-я.
- 30 Особенно четко проступаетъ произвольное обхожденіе съ фактами, присущее Л. Н. Павлицеву. при сопоставленіи цитируемыхъ имъ въ гл. XXIII—XXXII его записокъ писемъ Ольги Сергѣевны Н. И. Павлицеву съ таковыми же письмами 1831—32 годовъ, напечатанными впоследствии съ подлинниковъ въ изданіи «Пушкинъ и его современники». Выпускъ XV. СПб. 1911.
- 31 Н. О. Лернеръ: «Сестра Пушкина». См. «Библиотеку великихъ писателей», подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ. СПб. 1907. Томъ I, стр. 82, 86 и слѣд.
- 32 Л. Н. Павлицевъ: Изъ семейной хроники. «Историческій Вѣстникъ» за 1888 годъ. № 1, стр. 62.
- 33 Тамъ же, № 1, стр. 59—60.
- 34 Тамъ же, № 1, стр. 60—61.
- 35 Тамъ же, № 1, стр. 61—62.
- 36 Тамъ же, № 1, стр. 62—63.
- 37 Тамъ же, № 6, стр. 581.
- 38 Тамъ же, № 1, стр. 59.
- 39 Тамъ же № 11, стр. 298.
- 40 О мистическихъ настроеніяхъ, предсказаніяхъ и видѣніяхъ О. С. Павлицевой тамъ же: № 1, стр. 35, 46, 47; № 2, стр. 309 и № 11, стр. 298—9. Здѣсь же о явленіяхъ призрака Пушкина послѣ смерти сестрѣ Ольгѣ Сергѣевнѣ: № 1, стр. 34 № 2, стр. 302, 308 и 309.
- 41 М. Урсинъ (Маріанъ Здзѣховскій): Очерки изъ психологіи славянскаго племени. СПб. 1887.
- 42 Тамъ же, стр. 113—114.
- 43 Тамъ же, стр. 218.
- 44 Э. Радловъ: Очеркъ исторіи русской философіи. СПб. 1921. Стр. 90.
- 45 Н. П. Дашкевичъ: Статьи по новой русской литературѣ. Петроградъ. 1914. Стр. 384—385.
- 46 См. главу I «Евгенія Онѣгина» (строфа L.) въ Сочиненіяхъ и письмахъ А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова. СПб. 1909. Томъ IV, стр. 52—53.
- 47 Объ искусствѣ и художникахъ. Размышленія о-

- шельника, любителя изящнаго, изданныя Л. Тикомъ. Москва. 1826. Стр. 249—250.
- 48 Письма Пушкина брату Льву Сергѣевичу и бар. А. А. Дельвигу. Сочиненія и письма А. С. Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова. СПб. 1909. Т. VIII. Стр. 9—11 и 85—87.
- 49 Тамъ же: стр. 86.
- 50 Тамъ же: письмо Пушкина брату Льву Сергѣевичу. Стр. 105.
- 51 Тамъ же: письма кн. П. А. Вяземскому и Л. С. Пушкину. Стр. 66, 77 и 79.
- 52 «Библиотека великихъ писателей», подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ. СПб. 1909. Т. III. стр. 538.
- 53 The Westminster Review : April, 1883. P. 436.
- 54 Экземпляръ Корана на французскомъ языкѣ находился въ библиотекѣ Пушкина, но происхожденіе этого изданія относится къ позднѣйшему времени: Le Coran. Traduit de l'Arabe, avec un grand nombre de Notes, précédé d'un Abrégé de la vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés Par A. Savary, Paris, 1828
В. Л. Модзалевскій. Библиотека Пушкина. СПб. 1910. Стр. 212.
- 55 П. В. Анненковъ: А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его биографіи и оцѣнки его произведеній. СПб. 1873. Стр. 3, 5, 11. Срвн. также стих. Пушкина «Сонъ» (1816). См. Сочиненія и письма Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова. СПб. 1909. Томъ I, стр. 167—168.
- 56 См. сборникъ «Потаенная тетрадь». Берлинъ. 1923. Стр. 25—51. Текстъ «Гаврилиады» и вступительная статья о ней Бор. Бродскаго.
- 57 Отъ этой персонификаціи стихотворенія «Демонъ» предостерегаетъ, между прочимъ, нынѣ почти забытая статья Л. Поливанова: «Демонъ Пушкина», напечатанная въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1886 годъ. № 8, стр. 849.
- 58 Стихотвореніе «Наперсница волшебной старины» (1821) находится въ несомнѣнной родственной близости со стихотвореніемъ «Сонъ» (1816), на которое мы ссылались выше.

- 59 Объ интересѣ «Москвскаго Вѣстника» къ народному творчеству Востока см. цитированное выше сочиненіе П. Н. Сакулина: Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь Одоевскій. Москва. 1913. Т. I, ч. I. Стр. 178—79.
- 60 С. П. Мельгуновъ: «Дѣла и люди Александровскаго времени». Берлинъ. 1923. Стр. 255.
- 61 Тамъ же; стр. 257.
- 62 Тамъ же; стр. 262.
- 63 Н. О. Лернеръ: Труды и дни Пушкина. СПб. 1910. Стр. 18.
- 64 А. Н. Пыпинъ: Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX вѣка. Петроградъ. 1916. Стр. 429.
- 65 Впрочемъ, въ своемъ очеркѣ «Дядя и племянникъ» Н. К. Пиксановъ склоненъ безъ достаточныхъ на нашъ взглядъ, оснований умалять вліяніе В. Л. Пушкина на своего племянника. См. «Библиотека великихъ писателей», подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ. СПб. 1911. Томъ V, стр. LXVII—LXXXII.
- 66 См. цитированный выше трудъ А. Н. Пыпина. Стр. 386 и 414.
- 67 Тамъ же; стр. 420.
- 68 Тамъ же; стр. 521.
- 69 См. «Библиотеку великихъ писателей», подъ ред. С. А. Венгерова. СПб. 1915. Т. VI, стр. 173. «Изъ Кишиневскаго дневника».
- 70 Объ Овидіевой ложѣ, учрежденной генераломъ П. П. Пуццинымъ, см. статью Н. К. Кульмана въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1907 годъ. № 11.
- 71 См. письмо А. И. Тургеневу отъ 14 іюля 1824 года. Сочиненія и письма Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова. СПб. 1909. Томъ VIII, стр. 69.
- «Я какъ то изъявилъ свое удивленіе Пушкину», читаемъ мы у С. А. Соболевскаго, «о томъ, что онъ отстранился отъ масонства, въ которое былъ принятъ, и что онъ не принадлежалъ ни къ какому другому тайному обществу. «Это все вслѣдствіе предсказанія о бѣлой головѣ», отвѣчалъ мнѣ Пушкинъ. «Развѣ ты не знаешь, что всѣ филантропическія и гуманитарныя тайныя общества,

даже и самое масонство, получили отъ Адама Вейсгаупта направленіе подозрительное и враждебное существующимъ государственнымъ порядкамъ? Какъ же мнѣ было приставать къ нимъ? W isskopi, Weisshaupt — одно и то же.» См. С. А. Соболевскій: Тайнственныя примѣты въ жизни Пушкина. «Русскій Архивъ» за 1870 годъ. Стр. 1385—1386.

Поясненіе предсказанія о роли «бѣлой головы» въ жизни Пушкина даетъ, между прочимъ, историкъ М. П. Погодинъ въ своемъ дневникѣ:

«Веневитиновъ», говоритъ онъ, «разсказывалъ о суевѣрїи Пушкина. Ему предсказали судьбу какая то нѣмка Кирнгофъ (Кирхгофъ) и грекъ въ Одессѣ. — «До сихъ поръ все сбывается: напримѣръ, два изгнанія. Теперь должно начаться счастье. Смерть—отъ бѣлаго человѣка или отъ лошади, и я съ боязнью кладу ногу въ стремя», сказалъ онъ, «и подаю руку бѣлому человѣку.» См. М. П. Погодинъ: Дневникъ. «Пушкинъ и его современники». Вып. XIX—XX. Стр. 74—75.

72 Сочувственную характеристику Инзова даетъ поэтъ также въ своемъ «Воображаемомъ разговорѣ съ императоромъ Александромъ I». См. Сочиненія и письма Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова. СПб. 1909. Т. VI, стр. 455.

73 Первымъ масономъ, встрѣченнымъ Пушкинымъ на югѣ, былъ, кажется, житель Феодосіи С. М. Броневскій, у котораго Пушкинъ останавливался проездомъ на южный берегъ Крыма въ 1820 году. Между прочимъ, по свидѣтельству бар. М. Корфа, Броневскій, какъ мартинистъ, имѣлъ религіозно-мистическую переписку со Сперанскимъ. См. М. Корфъ: Жизнь графа М. М. Сперанскаго. СПб. 1861. Томъ II, стр. 149. Въ письмѣ своемъ брату Льву Сергѣевичу Пушкинъ характеризуетъ Броневскаго, какъ «человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и бѣдности». См. Сочиненія и письма Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова. СПб. 1909. Томъ VIII, стр. 10.

Что касается гр. Олизара, то впослѣдствіи онъ

очень гордился «сочувствіемъ перваго русскаго поэта». См. Архивъ Раевскихъ (т. I.) и «Русско: Обзорѣніе» за 1893 годъ (№ 8 и 9).

- 74 Сочиненія и письма Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова. СПб. 1909. Томъ VIII, стр. 86. Въ дальнѣйшемъ будемъ цитировать это изданіе сокращенно: «Морозовъ: томъ —, страница —».

И въ исторіи, какъ и въ исторіи литературы. Пушкина неодолимо влегло къ себѣ все неразгаданное, недосказанное и тайнственное. Вотъ что читаемъ мы, напримѣръ, у П. И. Бартенева о посѣщеніи Пушкинымъ Московскаго Университета и о бесѣдѣ тамъ о загадочныхъ старинныхъ русскихъ словахъ.

«Давыдовъ сказалъ, что ему подано весьма замѣчательное изслѣдованіе и указалъ на Бодянскаго, который, увлеченный Каченовскимъ, доказывалъ тогда подложность «Слова о Полку Игоревѣ». Услышавши объ этомъ, Пушкинъ съ живостью обратился къ Бодянскому и спросилъ: «А скажите, пожалуйста, что значить слово харалужный?» Не могу объяснить. Тотъ же отвѣтъ на вопросъ о словѣ «стрикусы». Когда Пушкинъ спросилъ еще о словѣ «кметъ», Бодянской сказалъ, что, вѣроятно, слово это малороссійское отъ «кметыти» и можетъ значить — примѣта. «То-то жъ», говорилъ Пушкинъ, «никто не можетъ многихъ словъ объяснить, и не скоро еще объяснять». См. Разказы о Пушкинѣ, записанные со словъ его друзей П. И. Бартеневымъ въ 1851—60 годахъ. Вступительная статья и примѣчанія М. А. Цявловскаго. Москва. 1925. Стр. 49—50.

- 75 Вспомнимъ по этому поводу пушкинскую героиню Татьяну:

«Татьяна вѣрила преданьямъ

«Простонародной старины —

«И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ.

«И предсказаніямъ луны.»

«Евгеній Онегинъ». Глава V. См. Морозовъ. томъ IV, стр. 120.

- 76 П. В. Анненковъ. Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина. СПб, 1855. Стр. 39.

- Факты творчества юнаго Пушкина во снѣ были разобраны, между прочимъ, въ нашей лекціи: «Пушкинъ и Царское Село», прочитанной на курсахъ для руководительей экскурсій по Царско-сельскимъ дворцамъ-музеямъ, весною 1919 года. О ней см. «Дѣла и Дни» за 1921 г. Т. I, стр. 560 и «Пушкинъ». Сборникъ первый. Редакція Н. К. Пиксанова. «Пушкинская Комиссія Общества Любителей Россійской Словесности». Москва. 1924. Стр. 325.
- 77 Морозовъ: томъ VIII, стр. 344.
- 78 Морозовъ: томъ II, стр. 376.
- 79 См. М. Л. Гофманъ; Изъ Вревскаго архива. «Пушкинъ и его современники». Вып. XXI—XXII. Стр. 361, 405.
- 80 Л. Н. Павлицевъ: Изъ семейной хроники. «Историческій Вѣстникъ» за 1888 годъ. № 11.
- 81 Тамъ же: № 4, стр. 36.
- 82 Тамъ же: № 6, стр. 581.
- 83 Объ этомъ см. въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1834 годъ. № 5, ч. VII, стр. 97—105. Здѣсь даны, между прочимъ, свѣдѣнія о психологической теоріи сновъ, принадлежащей женевскому профессору Прево.
- 84 П. Н. Сакулинъ: Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь Одоевскій. Москва. 1913. Томъ I, часть I, Стр. 475.
- 85 М. О. Гершензонъ: Историческія записки (О русскомъ обществѣ). Статья «Ученіе о личности» (И. В. Кирѣевскій). Москва. 1910. Стр. 20.
- 86 Объ этомъ см. у Л. Н. Павлицева: «Историческій Вѣстникъ» за 1888 годъ. № 3, стр. 555—58 и № 9, стр. 465—6.

Особенно четко проявилось отношеніе Пушкина къ примѣтамъ во время бракосочетанія съ Н. Н. Гончаровой.

«Свадьба Пушкина,» пишетъ А. П. Кернъ, «происходила 18 февраля 1831 года. Во время обряда Пушкинъ, задѣвъ печально за аналой, уронилъ крестъ; говорятъ, при обмѣнѣ колець, одно изъ нихъ упало на полъ... Поэтъ измѣнился въ лицѣ и тутъ же шепнулъ одному изъ

присутствовавшихъ „Tous les mauvais augures“.
(«Все дурныя предзнаменования»). См. А. П. Кернъ: Воспоминанія: «Русская Старина» за 1880 годъ. № 1, стр. 148.

Нѣсколько иначе представлены эти обстоятельства въ записи П. И. Бартенева со словъ кн. Е. А. Долгоруковой:

«Во время вѣнчанія нечаянно упали съ аналоя крестъ и евангеліе, когда молодые шли кругомъ. Пушкинъ весь поблѣднѣлъ отъ этого. Потомъ у него потухла свѣчка. «Tous les mauvais augures,» сказала Пушкинъ.»

См. Разказы о Пушкинѣ, записанные со словъ его друзей П. И. Бартеневымъ въ 1851—1860 годахъ. Вступительная статья и примѣчанія М. Цявловскаго. Москва. 1925. Стр. 64.

87 Морозовъ: томъ II, стр. 96.

А. П. Кернъ съ слѣдующихъ выраженій упоминаетъ о созданіи Пушкинымъ этого характернаго для него стихотворенія:

«Писавши эти строчки и напѣвая ихъ своимъ звучнымъ голосомъ, онъ при стихахъ:

«И мѣсяць съ лѣвой стороны

«Сопровождалъ меня уныло»,

замѣтилъ смѣясь: «Разумѣется съ лѣвой, потому что я ѣхалъ назадъ!» См. Воспоминанія А. П. Кернъ у Л. Н. Майкова: Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. СПб. 1899. Стр. 251.

88 «Библіотека великихъ писателей», подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ. СПб. 1915. Томъ VI, стр. 22. Въ дальнѣйшемъ это изданіе будемъ цитировать сокращенно: «Венгеровъ: томъ —, стр. —.»

89 Морозовъ, томъ VIII, стр. 299—300.

Другой случай суевѣрія Пушкина, также связанный со встрѣчей съ зайцемъ, сообщаетъ Толычева.

«Имѣніе, гдѣ Пушкинъ жилъ въ Нижнемъ, находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Апраксина, принадлежавшаго семейству Новосильцовыхъ, которыхъ поэтъ очень любилъ, въ осо-

бенности хозяйку дома, милую и добрую старушку. Она его часто журила за его суевѣрія . . . Г-жа Новосильцова праздновала свои именины и Пушкинъ обѣщалъ пріѣхать къ обѣду, но его долго ждали напрасно и рѣшились, наконецъ, сѣсть за столъ безъ него. Подавали уже шампанское, когда онъ явился, подошелъ къ именинницѣ и сталъ на колѣни: «Наталья Алексѣевна», сказалъ онъ, «не сердитесь на меня; я выѣхалъ изъ дому и былъ уже недалеко отсюда, когда проклятый заяцъ пробѣжалъ поперекъ дороги. Вѣдь вы знаете, что я юродивый: вернулся домой, вышелъ изъ коляски, а потомъ сѣлъ въ нее опять и пріѣхалъ, чтобы вы меня выдрали за уши». Толычева: Историческіе анекдоты и мелочи. «Русскій Архивъ» за 1877 годъ. Т. II, стр. 99.

- 90 П. В. Анненковъ: Пушкинъ въ Александровскую эпоху. Стр. 311.

Приводимъ разсказъ объ этомъ, принадлежащій перу друга Пушкина С. А. Соболевскаго: «Извѣстіе о кончинѣ императора Александра Павловича и о происходившихъ вслѣдствіе оной колебаніяхъ по вопросу о престолонаслѣдіи дошли до Михайловскаго около 10 декабря. Пушкину давно хотѣлось увидаться съ его петербургскими пріятелями. Расчитывая, что при такихъ важныхъ обстоятельствахъ не обратятъ строгаго вниманія на его непослушаніе, онъ рѣшилъ отправиться туда. Но какъ быть? Въ гостинницѣ остановиться нельзя — потребуютъ паспорта, у велико свѣтскихъ друзей тоже опасно — огласится тайный пріѣздъ ссыльнаго. Онъ положилъ заѣхать сперва на квартиру къ Рылѣву, который велъ жизнь не свѣтскую, и у него запасться свѣдѣніями. Итакъ Пушкинъ приказываетъ готовить повозку, самъ же ѣдетъ проститься съ тригорскими сосѣдками. Но вотъ на пути въ Тригорское заяцъ перебѣгаетъ черезъ дорогу; на возвратномъ пути изъ Тригорскаго въ Михайловское — еще заяцъ! Пушкинъ въ досадѣ пріѣзжаетъ домой: ему докладываютъ, что слуга, назначенный съ нимъ ѣхать, заболѣлъ вдругъ бѣлой

горячкой. Распоряженіе поручается другому. Наконецъ коляска заложена, трогается отъ подъязда. Глядь! Въ воротахъ встрѣчается священникъ, который шелъ проститься съ отъѣзжающимъ бариномъ. Всѣ эти встрѣчи не подь силу суевѣрному Пушкину: онъ возвращается отъ воротъ домой и остается у себя въ деревнѣ. «А вотъ каковы были бы послѣдствія моей поѣздки», прибавлялъ Пушкинъ. «Я рассчитывалъ пріѣхать въ Петербургъ поздно вечеромъ, чтобы не огласился слишкомъ скоро мой пріѣздъ, и, слѣдовательно, попалъ бы къ Рылѣеву прямо на совѣщаніе 13 декабря. Меня приняли бы съ восторгомъ; вѣроятно, я забылъ бы о Вейсгауптѣ. попалъ бы съ прочими на Сенатскую площадь и не сидѣлъ бы теперь съ вами, мои милые!» С. А. Соболевскій: Таинственныя примѣты въ жизни Пушкина. «Русскій Архивъ» за 1870 годъ. Стр. 1386—1387.

91 Морозовъ: томъ VIII, стр. 301.

92 Морозовъ: томъ VIII, стр. 345.

93 Морозовъ: томъ VIII, стр. 369.

94 Морозовъ: томъ IV, стр. 120—121.

Малоизвѣстный рассказъ о предчувствіяхъ Пушкина, предшествовавшихъ его женитьбѣ, сохранилъ В. П. (Болеславъ Маркевичъ):

«Аккуратъ два дня до его свадьбы оставалось», записываетъ онъ рассказъ цыганки Татьяны Дементьевны. «Запла я къ П. Нащокину с Ольгой. Не успѣли мы поздороваться, какъ подь крыльцо сани подкатили, и въ сѣни вошелъ Пушкинъ. Увидалъ меня изъ сѣней и кричитъ: «Ахъ, радость моя, какъ я радъ тебѣ! Здорово, моя безцѣнная!» — Поцѣловалъ меня въ щеку и усѣлся на софу. «Спой мнѣ,» говоритъ, «Таня, что нибудь на счастье; слышала можетъ быть, я женюсь?» — «Какъ не слышать.» говорю, «дай вамъ Богъ, Александръ Сергѣевичъ!» «Ну, спой мнѣ, спой». Запѣла я Пушкину пѣсню, — она хоть и подблюдною считается, а только не годится было мнѣ ее теперича пѣть, потому она, будто, сказываютъ, не къ добру... Вдругъ слышу, громко зарыдалъ

Пушкинъ . . . Кинулся къ нему Павелъ Войновичъ: «Что съ тобой, что съ тобой, Пушкинъ?» «Ахъ,» говоритъ, «эта ея пѣсня всю мнѣ внутрь перевернула, — она мнѣ не радость, а большую потерю предвѣщаетъ!..» Цыганка Татьяна Дементьевна по записи В. П. «С. Петербургскія Вѣдомости» за 1875 годъ. № 131.

95 Морозовъ: томъ VIII, стр. 269.

96 Морозовъ: томъ VIII, стр. 301.

97 Морозовъ: томъ VIII, стр. 145.

98 Морозовъ: томъ II, стр. 6.

99 Тамъ же; стр. 22.

100 Лермонтовъ: Полное собраніе сочиненій, подъ ред. Д. И. Абрамовича. Изданіе Академіи Наукъ. Томъ II. (Стих. «На смерть поэта».)

«И онъ погибъ и взять могилой,

«Какъ тотъ пѣвецъ, невѣдомый и милый,

«Добыча ревности нѣмой,

«Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,

Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой».

Интересно, что Пушкинъ заставляетъ Ленскаго предчувствовать роковой исходъ дуэли при разставаніи съ Ольгой:

«Но поздно; время ѣхать. Сжалось

«Въ немъ сердце, полное тоской;

«Прощаясь съ дѣвой молодой,

«Оно какъ будто разрывалось.

«Она глядитъ ему въ лицо.

«Что съ вами?» — «Такъ . . .» И на крыльцо,»

Морозовъ: томъ IV, стр. 147.

Вспомнимъ, кстати, еще объ одномъ предчувствіи поэтомъ своего близкаго конца. Въ «Путешествіи въ Арзрумъ» Пушкинъ, рассказывая о послѣдней своей встрѣчѣ съ Грибоѣдовымъ, отмѣчаетъ, что «онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія о своей судьбѣ, которыя пророчески впоследствии оправдались.» Морозовъ: томъ VI, стр. 489.

101 Морозовъ: томъ II, стр. 162.

Приближеніе смерти Пушкинъ сталъ предчувствовать тотчасъ же послѣ своего раненія на дуэли съ Дантесомъ:

«По приѣздѣ домой, однако жъ, раненыи (Пушкинъ) почувствовалъ смерть и сказалъ: «Теперь я вижу, что я убитъ». И. Т. Калашниковъ: Письмо П. А. Словцову. «Пушкинъ и его современники». Выпускъ VI, стр. 106.

- 102 Павлицевъ: предчувствія несчастій въ семейной жизни Пушкина, см. «Историческій Вѣстникъ» за 1888 годъ (№ 1, стр. 38—39 и № 6, стр. 566) предчувствіе встрѣчь съ А. П. Кернъ (№ 5, стр. 313), предчувствія поэта о судьбѣ Л. Н. Павлицева (№ 11, стр. 567), предчувствіе дальнѣйшихъ испытаній (№ 3, стр. 542), предчувствія близкой смерти у Пушкина (№ 2, стр. 301, № 5, стр. 305 и № 12, стр. 584—85).

Интересно одно наблюденіе Пушкина изъ области таинственныхъ явленій его жизни, сохраненное первымъ его біографомъ П. В. Анненковымъ:

«Важнѣйшія событія его жизни, по собственному его признанію, всѣ совпадали съ днемъ Вознесенія. Незадолго до своей смерти, онъ задумчиво рассказывалъ объ этомъ одному изъ своихъ друзей и, упоминая о таинственной связи всей своей жизни съ однимъ великимъ днемъ духовнаго торжества, онъ прибавилъ: «Ты понимаешь, что все это произошло даромъ, и не можетъ быть дѣломъ одного случая.» Сочиненія Пушкина. Изданіе П. В. Анненкова. Томъ I. Матеріалы для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина. СПб. 1855. Стр. 315.

- 103 Письма отъ октября и декабря 1824 года. Морозовъ: томъ VIII, стр. 74 и 85.

- 104 Письмо отъ 5 января 1832 года. Морозовъ: т. VIII, стр. 271.

- 105 «Русскій Архивъ» за 1887 годъ. Т. III, стр. 578.

Приведемъ еще два факта вѣры Пушкина въ магическую силу вещей:

«Въ маѣ 1836 года Пушкинъ», рассказываетъ В. А. Нащокина, «гостилъ у насъ въ Москвѣ у церкви Старога Пимена въ домѣ Ивановой. Мой мужъ всякій день почти игралъ въ карты въ Англійскомъ Клубѣ и игралъ крайне несчастливо. Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, Пушкинъ пред-

ложилъ однажды Павлу Войновичу бумажникъ, говоря: «Попробуй, сыграй съ нимъ на мое счастье.»

«И какъ разъ Павелъ Войновичъ выигралъ въ этотъ вечеръ тысячъ пять. Пушкинъ тогда сказалъ: «Пускай этотъ бумажникъ будетъ всегда счастьемъ для тебя». М. А. Цявловскій: «Русскій Библиофилъ» за 1916 годъ. № 8, стр. 71.

Другой рассказъ относится къ послѣднимъ часамъ жизни Пушкина:

«Когда Пушкинъ», рассказываетъ та же В. А. Нащокина, «послѣ роковой дуэли лежалъ на смертномъ одрѣ и къ нему пришелъ его секундантъ Данзасъ, то больной попросилъ его подать ему какую то небольшую шкатулочку. Изъ нея онъ вынулъ бирюзовое колечко и, передавая его Данзасу, сказалъ:

«Возьми и носи это кольцо. Мнѣ его подарилъ нашъ общій другъ Нащокинъ. Это талисманъ отъ насильственной смерти». В. А. Нащокина: Воспоминанія о Пушкинѣ и Гоголѣ. Иллюстрированное приложеніе къ «Новому Времени» за 1898 годъ. № 8115, стр. 7.

106 Кромѣ кн. П. А. Вяземскаго о суевѣрїи Пушкина, свидѣтельствуемъ и А. П. Кернъ:

«Онъ былъ, какъ всѣ игроки, суевѣренъ, и разъ, когда я попросила у него денегъ для одного бѣднаго семейства, онъ, отдавая послѣдніе пятьдесятъ рублей, сказалъ: «Счастье ваше, что я вчера проигралъ». Воспоминанія А. П. Кернъ у Л. Н. Майкова: Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. СПб. 1899. Стр. 252—253.

107 Даемъ здѣсь сводку свидѣтельствъ современниковъ Пушкина, связанныхъ съ предсказаніями, сдѣланными поэту гадальщицей Кирхгофъ:

«Около 1818 года, въ бытность поэта въ Петербургѣ», рассказываетъ А. Н. Вульфъ, «одна славная тогда въ столицѣ ворожея сдѣлала зловѣщее предсказаніе Пушкину, когда тотъ поспѣтилъ ее съ однимъ изъ своихъ прїятелей.

«Глядя на ихъ руки, колдунья предсказала

обоимъ насильственную смерть. На другой день пріятель Пушкина, служившій въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ ротнымъ командиромъ, былъ заколотъ унтеръ офицеромъ. Пушкинъ же до такой степени вѣрилъ въ зловѣщее пророчество ворожеи, что когда впоследствии, готовясь къ дуэли съ извѣстнымъ «американцемъ» гр. Толстымъ, стрѣлялъ вмѣстѣ со мною въ цѣль, то не разъ повторялъ: «Этотъ меня не убьетъ, а убьетъ бѣлокурый, такъ колдунья пророчила» . . . И точно, Дантесъ былъ бѣлокуръ». А. Н. Вульфъ: Рассказы о Пушкинѣ. «Русская Старина» за 1870 годъ. № 1, стр. 582.

«Въ 1827 году, когда мы издавали «Московскій Вѣстникъ», говоритъ М. П. Погодинъ, Пушкинъ далъ мнѣ напечатать эпиграмму:

«Лука звенитъ, стрѣла трепещетъ» . . .

«Встрѣтясь со мной дня черезъ два по выходѣ книжки, онъ сказалъ мнѣ: «А какъ бы намъ не поплатиться за эпиграмму». Почему? «Я имѣю предсказаніе, что долженъ умереть отъ бѣлаго человѣка или отъ бѣлой лошади. Н. Н. (А. Н. Муравьевъ), — Пушкинъ назвалъ тогда по имени лицо, на которое написана эпиграмма, — можетъ вызвать меня на дуэль, а онъ не только бѣлый человѣкъ, но и лошадь». М. Погодинъ: Къ предсказаніямъ о Пушкинѣ. «Русскій Архивъ» за 1870 годъ. Стр. 1947.

«Пушкинъ», сообщаетъ В. А. Нащокина, «пріѣхалъ къ кн. Зинаидѣ Александровнѣ Волконской . . . У одной изъ ея статуй отбили руку. Хозяйка была въ горѣ. Кто то изъ друзей поэта вызвался прикрѣпить отбитую руку, а Пушкина попросилъ поддержать лѣстницу и свѣчу.

«Нѣтъ, нѣтъ», закричалъ Пушкинъ, «я держать лѣстницу не стану. Ты — бѣлокурый. Можетъ упасть и пришибить меня на мѣстѣ».

В. А. Нащокина: Воспоминанія о Пушкинѣ и Гоголѣ. Иллюстрированное приложение къ «Новому Времени» за 1898 годъ. № 8115. Стр. 6.

Та же В. А. Нащокина рассказываетъ другой

аналогическій случай боязни Пушкина, обнаруженной при встрѣчѣ на вечерѣ съ бѣлокураымъ человѣкомъ:

«Въ числѣ гостей Пушкинъ замѣтилъ одного свѣтлоглазаго, бѣлокураго офицера, который такъ пристально и внимательно осматривалъ поэта, что тотъ, вспомнивъ пророчество, поспѣшилъ удалиться отъ него изъ зала въ другую комнату, опасаясь, какъ бы тотъ не вздумалъ его убить. Офицеръ прослѣдовалъ за нимъ и такъ и проходили они изъ комнаты въ комнату въ продолженіе большей части вечера. «Мнѣ и совѣстно и неловко было,» говоритъ поэтъ, «и, однако, я долженъ сознаться, что порядочно таки струхнулъ». Тамъ же: стр. 8.

Менѣе извѣстенъ слѣдующій случай, рассказываемый С. А. Соболевскимъ:

«По свидѣтельству покойнаго П. В. Нащокина, въ концѣ 1830 года, живя въ Москвѣ, раздосадованный разными мелочными обстоятельствами, онъ (Пушкинъ) выразилъ желаніе ѣхать въ Польшу, чтобы тамъ принять участіе въ войнѣ: въ непріятельскомъ лагерѣ находился кто то имени Вейскопфъ (бѣлая голова) и Пушкинъ говорилъ другу своему: «Посмотри, сбудетъ словонѣмки, онъ непременно убьетъ меня». С. А. Соболевскій: Тайнственныя примѣты въ жизни Пушкина. «Русскій Архивъ» за 1870 годъ. Стр. 1382.

Въ заключеніе тотъ же С. А. Соболевскій сообщаетъ о Пушкинѣ:

«Поэтъ твердо вѣрилъ предвѣщанію во всѣхъ его подробностяхъ, хотя иногда шутилъ, вспоминая о немъ. Такъ, говоря о предсказанной ему народной славѣ, онъ смѣючись прибавлялъ, разумѣется, въ тѣсномъ пріятельскомъ кружкѣ: «А вѣдь предсказаніе сбывается, что ни говорить журналисты». Тамъ же: стр. 1382.

108 Вотъ какъ рассказываетъ объ этихъ двухъ фактахъ В. А. Нащокина:

«Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву съ намѣреніемъ сдѣлать предложеніе Н. Н. Гончаровой.

По обыкновению, онъ останавливался у Нащокина. Собираясь ѣхать къ Гончаровымъ, поэтъ замѣтилъ, что у него нѣтъ фрака.

«Дай мнѣ, пожалуйста, твой фракъ», обратился онъ къ Павлу Войновичу. «Я свой не захватилъ, да, кажется, у меня и нѣтъ его»...

«Сватовство на этотъ разъ было удачное, что поэтъ въ значительной мѣрѣ приписывалъ «счастливному фраку.»

В. А. Нащокина: Воспоминанія о Пушкинѣ и Гоголѣ. Иллюстрированное приложение къ «Новому Времени» за 1898 годъ, № 8115, стр. 6.

«Онъ (Пушкинъ) за прощальнымъ ужиномъ пролилъ на скатерть масло.

«Увидя это, Павелъ Войновичъ съ досадою замѣтилъ: «Эдакій неловкій! За что ни возьмешься, все роняешь.

«Ну, я на свою голову. Ничего...» отвѣтилъ Пушкинъ, котораго, видимо, взволновала эта дульная примѣта.» Тамъ же, стр. 6.

Мы можемъ и здѣсь провести параллель между Пушкинымъ и его любимой героиней Татьяной:

«Ее тревожили примѣты;

«Таинственно ей всѣ предметы

«Провозглашали что нибудь,

«Предчувствія тѣснили грудь».

(«Евгеній Онѣгинъ». Глава V.)

109 Приводимъ здѣсь свидѣтельство А. А. Фуксъ: «Пушкинъ», рассказываетъ она, «старался всевозможными доказательствами насъ увѣрить въ истиннѣ магнетизма.

«Испытайте», говорилъ онъ мнѣ, «когда вы будете въ большомъ обществѣ, выберите изъ него одного человѣка, вовсе вамъ незнакомаго, который сидѣлъ бы къ вамъ даже спиною, устремите на него всѣ ваши мысли, пожелайте, чтобы незнакомецъ обратился на васъ вниманіе, но пожелайте сильно, всею вашею душою и вы увидите, что незнакомецъ, какъ бы невольно, оборотится и будетъ на васъ смотрѣть».

«Это не можетъ быть», сказала я, «какъ иногда я желала, чтобы на меня смотрѣли, ждала

и сердцемъ, и душою, но кто не хотѣлъ смотрѣть, не взглянулъ ни разу».

«Мой отвѣтъ разсмѣшилъ его.

«Неужели это съ вами случилось? О, нѣтъ, я этому не повѣрю; прошу васъ, пожалуйста, вѣрьте магнетизму и бойтесь его волшебной силы; вы еще не знаете, какія онъ чудеса дѣлаетъ надъ женщинами?»

«Не вѣрю и не желаю знать», отвѣчала я.

«Но я васъ увѣряю по чести», продолжалъ онъ, «что женщина, любившая самую страстную любовь, при такой же взаимной любви остается добродѣтельною: но были случаи, что эта же самая женщина, вовсе не любивши, какъ бы невольно, со страхомъ, исполняетъ всѣ желанія мужчинъ, даже до самоотверженія. Вотъ, это и есть сила магнетизма.

«Вамъ, можетъ быть, покажется удивительнымъ», началъ опять Пушкинъ, «что я вѣрю многому невѣроятному и непостижимому. Быть такъ суевѣрнымъ заставилъ меня одинъ случай. Разъ пошелъ я съ Н. В. Всеволожскимъ ходить по Невскому проспекту, и изъ проказъ зашли къ кофейной гадальщицѣ. Мы просили ее намъ погадать и, не говоря о прошедшемъ, сказать будущее. «Вы», сказала она мнѣ, «на этихъ дняхъ встрѣтитесь съ вашимъ давнишнимъ знакомымъ, который вамъ будетъ предлагать хорошее по службѣ мѣсто; потомъ въ скоромъ времени получите черезъ письмо неожиданныя деньги; а третье, я должна вамъ сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертью»... Безъ сомнѣнія, я забылъ въ тотъ же день и о гаданіи, и о гадальщицѣ. Но недѣли двѣ послѣ этого предсказанія, и опять на Невскомъ проспектѣ, я дѣйствительно встрѣтился съ моимъ давнишнимъ знакомцемъ, который служилъ въ Варшавѣ при Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ. Онъ мнѣ предлагалъ и совѣтовалъ занять его мѣсто въ Варшавѣ, увѣряя меня, что Цесаревичъ этого желаетъ. Вотъ первый разъ, послѣ гаданія, когда я вспомнилъ о гадальщицѣ. Черезъ нѣсколько

дней послѣ встрѣчи со знакомымъ, я въ самомъ дѣлѣ получилъ съ почты письмо съ деньгами. И могъ ли я ожидать ихъ? Эти деньги прислалъ мой лицейскій товарищъ, съ которымъ мы, бывши еще учениками, играли въ карты, и я его обыгралъ. Онъ, получа послѣ умершаго отца наслѣдство, прислалъ мнѣ долгъ, который я не только не ожидалъ, но и забылъ о немъ. Теперь надобно сбыться третьему предсказанію, и я въ этомъ совершенно увѣренъ». А. А. Фуксъ: А, С. Пушкинъ въ Казани. Прибавленіе къ газетѣ «Казанскія Губернскія Вѣдомости» за 1844 годъ. № 2. Перепечатано въ «Русской Старинѣ» за 1899 годъ. № 5.

Нѣкоторые варианты къ разсказу о гаданьи Кирхгофъ, а также свѣдѣнія о суевѣріяхъ Пушкина содержатся въ записи, сдѣланной П. И. Бартевымъ.

«По словамъ Нащокина и жены его, Пушкинъ былъ исполненъ предрасудковъ суевѣрія, исполненъ вѣры въ разныя примѣты. Засвѣтить три свѣчки, пролить прованское масло (что разъ онъ и сдѣлалъ за обѣдомъ у Нащокина и самъ смугился этою дурною примѣтою) и проч. для него предвѣщало несчастіе. Въ Петербургъ разъ пріѣхала гадательница Кирхгофъ. Никита и Александръ Всеволодскіе и Мансуровъ (Павелъ), актеръ Сосницкій и Пушкинъ отправились къ ней (она жила около Морской). Послѣ нихъ Пушкинъ попросилъ ее загадать и про него. Разложивъ карты, она съ нѣкоторымъ изумленіемъ сказала: «О! Это голова важная! Вы человекъ не простой!» (т. е. сказала въ этомъ смыслѣ, потому что, вѣроятно, она не знала по-русски. Слова ея поразили Всеволодскаго и Сосницкаго, ибо дѣйствительно были справедливы). Она, между прочимъ, предвѣщала ему, что онъ умретъ или отъ бѣлой лошади или отъ бѣлой головы (Weisskopf). Послѣ Пушкинъ въ Москвѣ передъ женитьбой, думая отправиться въ Польшу, говорилъ, что, вѣрно, его убьетъ Вейскофъ, одинъ изъ польскихъ мятежниковъ, дѣйствовавшихъ въ тогдашнюю войну.

Нащокинъ самъ не менѣе Пушкина мнителенъ и суевѣренъ. Онъ носилъ кольцо съ бирюзой противъ насильственной смерти. Въ послѣднее поощреніе Пушкина (весною 1836 года) Нащокинъ настоялъ, чтобъ Пушкинъ принялъ отъ него такое же кольцо отъ насильственной смерти. Нарочно было заказано оно; его долго дѣлали, и Пушкинъ не уѣхалъ, не дождавшись его: оно было принесено въ часъ ночи, передъ самымъ отъѣздомъ Пушкина въ Петербургъ. Но этотъ талисманъ не спасъ поэта: по свидѣтельству Данзаса, онъ не имѣлъ его во время дуэли, а на смертномъ одрѣ сказалъ Данзасу, чтобы онъ подалъ ему шкатулку, вынулъ изъ нея это бирюзовое кольцо и отдалъ Данзасу, прибавивши: «оно отъ общаго нашего друга.» Самъ Пушкинъ носилъ сердоликовый перстень. Нащокинъ отвергаетъ показаніе Анненкова, который говорилъ мнѣ, что съ этимъ перстнемъ (доставшимся Далю) Пушкинъ соединялъ свое поэтическое дарованіе: съ утратою его должна была утратиться въ немъ и сила поэзіи.»

См. Разказы о Пушкинѣ, записанные со словъ его друзей П. И. Бартеневымъ въ 1851—1860 годахъ. Вступительная статья и примѣчанія М. Цявловскаго. Москва. 1925. Стр. 40—41.

- 110 Дневникъ А. С. Пушкина. (1833—1835 гг.) «Труды Государственнаго Румянцовскаго Музея». Москва. 1923. Стр. 40.
- 111 Тамъ же: стр. 41—42. Часто отмѣчаетъ Пушкинъ сверхъестественныя явленія и въ своихъ историческихъ анекдотахъ. Такъ, сообщаетъ онъ о предчувствіи смерти у Потемкина, о пророчесственномъ дарѣ Петра Великаго, о гороскопѣ, предсказавшемъ трагическую судьбу Іоанну Антоновичу и т. д. А. С. Пушкинъ: „Table-Talk“ Берлинъ 1923. Стр. 37, 54, 55, 75.
- 112 Письмо отъ 29 мая 1834 года. Морозовъ: Т. VIII, стр. 328.
- 113 Тамъ же: стр. 340.
- 114 Тамъ же; стр. 520. Кромѣ того находимъ у

- Венгерова (Т. VI, стр. 132) письмо Пушкина Ваттемару.
- 115 Интересную сводку рѣчей и статей о пушкинской религиозности, относящихся къ 1899-му юбилейному году, даетъ проф. В. В. Сиповскій въ своемъ трудѣ «Пушкинская юбилейная литература» (1899—1900). Критико-библиографическій обзоръ. СПБ. 1901. Стр. 132—144.
- 116 Пушкинскій сборникъ памяти профессора С. А. Венгерова. «Пушкинистъ». Выпускъ IV. Петроградъ. 1922. Стр. 233—269,
- 117 Названный выше очеркъ Вл. Гиппиуса. Стр. 40.
- 118 Названное выше изслѣдованіе Елены Кислицыной (стр. 268—269). Въ качествѣ косвеннаго подтвержденія мнѣнія, высказываемаго Ел. Кислицыной, можно привести фактъ стараній Жуковскаго реабилитировать Пушкина именно съ религиозной стороны въ письмахъ, составленныхъ Жуковскимъ послѣ смерти поэта. Казалось бы, будь Пушкинъ вѣрующимъ христианиномъ, старанія эти были бы ненужными. Между тѣмъ Жуковскій стремится доказать и императору Николаю I и русскому обществу, что Пушкинъ умеръ примиреннымъ съ Богомъ. Если и повѣрить на слово Жуковскому, то придется умозаключить, что именно до послѣднихъ дней своихъ Пушкинъ вѣрующимъ не былъ. О благожелательной фальсификаціи Жуковскимъ предсмертныхъ настроеній Пушкина говоритъ между прочимъ и П. Е. Щеголевъ: Дуэль и смерть Пушкина. Петроградъ. 1916.
- 119 Н. А. Котляревскій: Холмы родины. Берлинъ. 1923. Стр. 250—251. См. также его: Пушкинъ и Россія. СПБ., 1922. Изданіе Пушкинскаго Дома Россійской Академіи Наукъ. Стр. 14—16. Болѣе подробно въ его же книгѣ: Пушкинъ, какъ историческая личность. Берлинъ. 1925. Стр. 66—75.
- 120 Вл. Ходасевичъ: Кошунства Пушкина. «Современныя Записки» за 1924 годъ. Т. XIX, стр. 412.
- 121 Интимно близко знавшій Пушкина А. Н. Равевскій говорилъ ему: «Вы недостаточно уважаете религію». См. уже цитированную выше книгу

- Н. А. Котляревскаго: Пушкинъ, какъ историческая личность. Берлинъ. 1925. Стр. 71.
- 122 Венгеровъ: томъ IV, стр. 184—200. А. Искозъ: «Повѣсти Бѣлкина».
- 123 Очерки по поэтикѣ Пушкина. Берлинъ. 1923. Статья В. Шкловскаго: «Евгеній Онѣгинъ» (Пушкинъ и Стернь). Стр. 194—200.
- 124 „Sertum Bibliologicum“. Въ честь президента Русскаго Библиологическаго Общества А. I. Малейна. СПб. 1922. Статья В. Ѳ. Бодяновскаго: Къ характеристикѣ работы Пушкина надъ новымъ романомъ. Стр. 191 и слѣд.
- 125 Въ сущности говоря, даже тѣ произведенія Пушкина, которыя являются развитіемъ библейскихъ мотивовъ («Пѣснь пѣсней», «Юдией», «Къ Н.», «Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ», «Когда великое свершилось торжество»), лишены духа истинной, непосредственной религіозности. Въ нихъ темы Священнаго Писанія являются лишь основаніемъ для развитія и углубленія художественнаго образа.
- Интересно, что ни одинъ изъ героев Пушкина не надѣленъ глубокой религіозностью: мы не встрѣтимъ у Пушкина ни мужскихъ образовъ, подобныхъ Іоанну Дамаскину у Ал. Толстого, ни женскихъ, похожихъ на Лизу Калитину у Тургенева.
- 126 Морозовъ: томъ VI, стр. 470—471. Равнымъ образомъ не религіозный, а художественный характеръ носить совѣтъ Пушкина Жуковскому читать Четы-Минеи, причемъ поэтъ рекомендуетъ «легенды о кievскихъ чудотворцахъ», какъ «прелесть простоты и вымысла». См. Пушкинъ. Сборникъ, изданный журналомъ «Русскій Библиофилъ». СПб. 1911. Стр. 69.
- 127 А между тѣмъ, по словамъ П. В. Анненкова, «философствованіе было модой въ Лицеѣ. Но сущности господствовавшихъ между лицеистами ученій и созерцаній мы все таки хорошенько не знаемъ. Мы можемъ только догадываться объ этомъ по тому обстоятельству, что въ Лицеѣ существовали на школьныхъ скамейкахъ француз-

- скіе сенсуалисты, нѣмецкіе мистики, дейсты, атеисты и т. д.». П. В. Анненковъ: Пушкинъ въ Александровскую эпоху. СПБ. 1874. Стр. 48.
- 128 Статья Н. О. Лернера: Пушкинъ въ Лицеѣ. (Венгеровъ, т. I, стр. 52.) О томъ же сохранилась любопытная запись лицейскаго гувернера Пилецкаго отъ 6 ноября 1812 года: «Пушкинъ 6-го числа въ сужденіи своемъ объ урокахъ сказалъ: „Признаюсь, что логики я, право, не понимаю, да и многіе, даже лучшіе меня, оной не знаютъ, потому что логическіе селогизмы (sic) весьма для него невняты.“ И. А. Шляпкинъ: Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина. СПБ. 1903. Стр. 328.
- 129 Я. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2. СПБ. 1899. Стр. 67,
- 130 В. Сиповскій: Пушкинъ. Жизнь и творчество. СПБ. 1907. Стр. 82—86.
- 131 О немъ у Н. М. Коркунова: Исторія философіи права. Изд. 2-ое. СПБ. 1898. Стр. 348.
- 132 Въ вариантѣ стихотворенія «19 октября 1825 года» (Морозовъ: т. II, стр. 376). Расположеніе Пушкина къ Куницыну осталось неизмѣннымъ до конца жизни поэта. Такъ, въ 1834 году, при выходѣ въ свѣтъ «Исторіи Пугачевскаго бунта», онъ посылаетъ экземпляръ этого труда съ посвятельной надписью старому своему учителю («Пушкинъ и его современники». Указатель первой отчетной выставки Пушкинскаго Дома Россійской Академіи Наукъ. Петербургъ. 1922. Стр. 13), а за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти вспоминаетъ Куницына въ прочувствованныхъ стихахъ («19 октября 1836 года». Морозовъ: т. II, стр. 217).
- 133 И. П. Липранди: Изъ дневника и воспоминаній. «Русскій Архивъ» за 1866 годъ. Стр. 1258.
- 134 Сочиненія А. С. Пушкина. Переписка, подъ редакціей В. И. Саитова. СПБ. 1906. Изд. Академіи Наукъ. Томъ I, стр. 317.
- 135 «Пушкинъ и его современники». Петроградъ. 1914. Вып. XIX—XX, стр. 84. М. Цявловскій: Пушкинъ по документамъ погодинскаго архива.
- 136 Интересно, что первый номеръ «Московскаго

Вѣстника» открытъ былъ отрывкомъ изъ «Бориса Годунова». Пушкинъ принималъ участіе и въ предшественникѣ «Московского Вѣстника», такомъ же органѣ любомудрія — «Мнемозинѣ». «Русскій Инвалидъ» за 1824 годъ. № 13, стр. 52.

Напомнимъ здѣсь же слѣдующее свидѣтельство Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова. «Лично познакомившись съ Пушкинымъ», пишетъ онъ, «неоднократно слышалъ я, какъ онъ, со свойственной ему откровенностью, говорилъ, что не читалъ многихъ изъ называемыхъ ему, даже весьма извѣстныхъ, сочиненій по части древнихъ и новыхъ философій». «Русская Старина» за 1908 годъ, № 2, стр. 431. Н. О. Лернеръ: Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина. Воспоминанія Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова.

- 137 «Литературные портфели». Статьи, замѣтки и неизданные матеріалы по новой русской литературѣ изъ собраній Пушкинскаго Дома. Вып. I. Время Пушкина. Петербургъ. 1923. Стр. 80. Впрочемъ, много позже, именно къ половинѣ 1830-хъ годовъ, Пушкинъ начинаетъ относиться къ московскому любомудрію, уже ставшему въ то время явленіемъ историческимъ, нѣсколько снисходительнѣе. Объ этомъ свидѣлствуютъ его сужденія о значеніи кружка русскихъ шеллингианцевъ, содержащіяся въ «Мысляхъ на дорогѣ». Морозовъ: т. VI, стр. 333.
- 138 Столь же ироническое отношеніе къ любомудрію, быть можетъ, унаслѣдованное отъ Пушкина, обнаруживалъ другъ его С. А. Соболевскій. См. уже цитированный выше трудъ П. Н. Сакулина объ Одоевскомъ. Т. I, ч. I. Стр. 319.
- 139 Морозовъ: томъ IV, стр. 60—62. Такая же насмѣшливая характеристика дается эпизодическому лицу въ «Египетскихъ ночахъ» Вершневу, поклоннику Гегеля, подъ которымъ надлежитъ разумѣть сотрудника «Московского Вѣстника» В. П. Титова. И. Бикерманъ: Пушкинскія замѣтки. Сборникъ «Пушкинъ и его современники». Петроградъ. 1914. Вып. XIX—XX, стр. 49—55.

- 140 Б. Л. Модзалевскій: Библиотека Пушкина. СПб. 1910. Стр. 139, 146, 225, 233, 264, 267, 271, 292, 307, 317, 324, 337, 358 и 360. О Ламеннэ находимъ сочувственный отзывъ Пушкина въ письмѣ кн. Вяземскому отъ 2 января 1831 года (Морозовъ: т. VIII, стр. 229.) Сочиненія Монтэня Пушкинъ требуетъ къ себѣ въ село Михайловское въ сентябрѣ 1835 года. (Письмо Н. Н. Пушкиной отъ 21 сентября 1835 года. Морозовъ: томъ VIII, стр. 370).
- 141 Въ книгѣ Л. Ф. Шена (L. F. Schön. Philosophie transcendante ou Système d' Emmanuel Kant. Paris. 1831) въ достаточной мѣрѣ полно изложена кантовская эстетика, которая должна была интересовать Пушкина болѣе другихъ частей философской системы Канта. Сочиненіе Шена было встрѣчено благопріятной рецензіей журнала «Московскій Телеграфъ» (Москва. 1832. Часть 47. Стр. 108—112) «Книгу эту можно рекомендовать ищущимъ истины, какъ основательное, полное изложеніе философіи Кантовой», пишетъ рецензентъ названнаго журнала. «Шень удалился отъ всѣхъ путей, немогущихъ довести къ истинному и полезному постиженію Кантовой философіи. Онъ разсматриваетъ ее всю вполнѣ, не разбираетъ, но излагаетъ ее съ примѣрнымъ безпристрастіемъ».
- 142 Цитированный выше трудъ Б. Л. Модзалевскаго. Стр. 272—73 и 358.
- 143 О бесѣдѣ по поводу одной изъ книгъ Лерминье, происходившей въ присутствіи Пушкина у кн. В. Θ. Одоевскаго, рассказываетъ В. Ленцъ: Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ. «Русскій Архивъ» за 1878 годъ. № 4, стр. 442—443. См. также нашу книгу: «Пушкинъ и Гофманъ». Сравнительное историко-литературное изслѣдованіе. Дерптъ. 1927—1928. Стр. 11 и 12.
- 144 Н. П. Дашкевичъ. Статьи по новой русской литературѣ. Петроградъ. 1914. Стр. 121. Авторъ противопоставляетъ въ философскомъ отношеніи Пушкина Шиллеру, знатоку кантовской системы, и Гете, философу естествознанія.

- 145 Н. И. Черняевъ: Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ. Харьковъ. 1900. Стр. 327—28, 332—33. Въ доказательство справедливости своихъ утверждений Черняевъ ссылается на записки А. О. Смирновой. Однако, послѣдняя много, хотя и голословно, говоритъ о религіозныхъ, но не о философскихъ взглядахъ Пушкина.
- 146 Морозовъ: томъ VI, стр. 379.
- 147 «Сынъ Отечества» за 1820 годъ. Часть 64. № 34. Статья В.: «Русланъ и Людмила» Пушкина.
- 148 Кн. Вяземскій: О «Кавказскомъ плѣнникѣ», повѣсти соч. А. Пушкина. «Сынъ Отечества» за 1822 годъ. Часть 82, № 49.
- 149 Вслѣдъ за кн. П. А. Вяземскимъ и Пушкинъ сталъ придавать особенное значеніе «цвѣту мѣстности». Ссылки на него часты въ письмахъ Пушкина первой половины 1820-ыхъ годовъ.
- 150 «Бахчисарайскій фонтанъ». Сочиненіе Александра Пушкина. Москва. 1824.
- 151 Морозовъ: томъ VIII, стр. 61—62.
- 152 Пушкинъ высоко цѣнилъ критическіе разборы Вяземскаго и свой взглядъ на нихъ высказалъ въ замѣткѣ: «О статьяхъ кн. Вяземскаго», помѣщенной въ «Литературной газетѣ» Дельвига за 1830 годъ. «Критическіе статьи кн. Вяземскаго», пишетъ здѣсь Пушкинъ, «носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто не соглашаешься съ его мыслями, но онъ заставляетъ мыслить». Морозовъ: томъ VI, стр. 54.
- 153 О литературномъ вліяніи кн. Вяземскаго вообще говоритъ статья проф. Н. Кульмана: Вяземскій, какъ критикъ («Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Академіи Наукъ» за 1904 годъ. Кн. I).
- 154 Цѣннымъ вкладомъ въ литературу объ отношеніяхъ кн. П. А. Вяземскаго и Пушкина является, помѣщенный въ сборникъ «Бесѣда» (Москва. 1915. Томъ I, стр. 56—76), очеркъ проф. И. Н. Розанова: Кн. Вяземскій и Пушкинъ. (Къ вопросу о литературныхъ вліяніяхъ).

155 Въ письмѣ своемъ къ А. Г. Родзянкѣ отъ 8 декабря 1824 года Пушкинъ именуеъ тогдашнее свое творчество «романтической лавочкой» (Морозовъ: томъ VIII, стр. 84) Еще категоричнѣе высказался Пушкинъ въ бесѣдѣ съ А. А. Фуксъ. Здѣсь онъ прямо называетъ себя русскимъ романтикомъ.

«Пушкинъ, говоря о русскихъ поэтахъ», пишетъ А. А. Фуксъ, «очень хвалилъ родного моего дядю Гаврилу Петровича Каменева . . . «Этотъ человекъ достоинъ былъ уваженія; онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти: этотъ человекъ много бы сдѣлалъ, ежели бы не умеръ такъ рано». . . А. А. Фуксъ: А. С. Пушкинъ въ Казани. Прибавленіе къ газетѣ «Казанскія Губернскія Вѣдомости» за 1844 годъ. № 2.

156 Морозовъ: томъ IV, стр. 148.

157 Морозовъ: томъ VIII, стр. 173. Относительно смутныхъ понятій современной Пушкину литературы о романтизмѣ — тамъ же: стр. 110.

158 Морозовъ: томъ VIII, стр. 43.

159 Морозовъ: томъ VIII, стр. 142.

160 Объ этомъ можно судить еще по письмамъ Пушкина къ П. А. Вяземскому и Н. Н. Раевскому. Морозовъ: томъ VIII, стр. 115 и 174.

161 Н. П. Дашкевичъ. Статьи по новой русской литературѣ. Петроградъ. 1914. Стр. 109—110.

Интересно признаніе Пушкина о той легкости и естественности, съ которыми должны создаваться поэтами произведенія романтической мистики.

«Одоевскому», рассказываетъ гр. В. А. Соллогубъ, «очень хотѣлось узнать, прочиталъ ли Пушкинъ (его) книгу и какого онъ объ ней мнѣнія. Но Пушкинъ отдѣлывался общими мѣстами:

«Читалъ . . . Ничего . . . Хорошо . . .» и т. д. Видя, что отъ него ничего не добьешься, Одоевскій прибавилъ только, что писать фантастическія сказки чрезвычайно трудно. Затѣмъ онъ поклонился и прошелъ. Тутъ же Пушкинъ сказалъ: «Да

если оно такъ трудно, зачѣмъ же онъ ихъ пишетъ? Кто его принуждаетъ? Фантастическія сказки только тогда и хороши, когда писать ихъ не трудно». Гр. В. А. Соллогубъ: Пережитые дни. «Русскій Міръ» за 1874 годъ. № 117.

- 162 Ранѣе академикъ Дашкевичъ говоритъ о томъ, что Пушкинъ примкнулъ къ романтикѣ разочарованія и скорби, оставшись чуждъ романтикѣ сентиментально-философской.
- 163 Дашкевичъ: стр. 112. Особенное вниманіе, удѣляемое нами мнѣніямъ академика Дашкевича, находитъ оправданіе въ той глубокой эрудиціи, съ которою Дашкевичъ подвергаетъ всестороннему анализу пушкинскую поэзію, учитываяя при этомъ исключительную цѣльность міросозерцанія поэта. О Н. П. Дашкевичѣ цѣнная статья проф. М. Н. Сперанскаго въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Академіи Наукъ» за 1908 годъ (Томъ XIII, кн. 2).
- 164 Вал. Брюсовъ: Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. Москва. 1909.
- 165 Н. Котляревскій: Гоголь. Петроградъ. 1915. Изданіе 4-ое.
- 166 Д. С. Мережковскій: Гоголь. СПБ. 1909. Изд. 2-ое. Издательство «Лантеонъ». Стр. 10—12, 27—28, 57, 101, 115 и др.
- 167 С. А. Венгеровъ: Собраніе сочиненій. СПБ. 1913. Томъ II. Статья: «Гоголь совсѣмъ не зналъ реальной русской жизни». (Стр. 117—142). Здѣсь мы читаемъ между прочимъ: «Реализмъ совершенно не выражаетъ сущности той абстракціи, которая составляетъ основу художественнаго творчества великаго скорбника». (Стр. 141).
- 168 Противоположнаго мнѣнія держится А. Г. Горнфельдъ въ своей «Замѣткѣ о реализмѣ». См. «О русскихъ писателяхъ». Томъ I. Минувшій вѣкъ. СПБ. 1912. Стр. 138—139.
- 169 Ж. Пелисье: Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Москва. 1895. Стр. 263. Срв. ученіе Шеллинга о томъ, что реальное и идеальное тождественны въ единомъ жизненномъ началѣ,

- которое, какъ душа міра, является органическою связью всѣхъ вещей.
- 170 Это переплетеніе вмѣнялось въ обязанность писателю-романтику теоріей романтизма. См. уже цитированную книгу С. Шамбинаго: «Трилогія романтизма». Москва. 1911. Стр. 9.
- 171 M. de Vogué: *Le roman russe*. Paris. 1886. P. 44.
- 172 Въ этомъ послѣднемъ отношеніи къ Пушкину можно примѣнить его собственныя слова про Абрама Ганнибала, о которомъ онъ говоритъ, что въ немъ «воображеніе восторжествовало надъ существенностью». Морозовъ: томъ V, стр. 15.
- 173 Но не о Стендалѣ, а о Пьерѣ Бейлѣ упоминаетъ о «Евгеніи Онѣгинѣ», гдѣ говорится, между прочимъ, что Онѣгинъ «прочелъ скептическаго Беля» (т. е. Бейля). Морозовъ: т. IV, стр. 200.
- 174 Интересное обстоятельство: Мериме говорилъ о Пушкинѣ, что у него высшая поэзія рождается изъ самой обыденной прозы. Дневникъ А. С. Пушкина. Москва-Петроградъ. 1923. Стр. 333.
- 175 Ж. Пелисье: Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Москва. 1895. Стр. 264—275.
- 176 Морозовъ: томъ V, стр. 416—418, 563—565.
- 177 Словно о себѣ говоритъ Пушкинъ, характеризуя Германа въ «Пиковой дамѣ»: «Имѣя мало истинной вѣры, онъ имѣлъ множество предрассудковъ». Морозовъ: томъ V, стр. 524.
- 178 Даже въ такомъ тщательно составленномъ библиографическомъ указателѣ, какова „*Rechtliniana*“ В. И. Межова (СПБ. 1886) никакихъ указаній на воспоминанія Е. А. Драшусовой - Карлгофъ не имѣется.
- 179 Отголосокъ этого увлеченія можно найти въ перепискѣ кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. «Остафьевскій архивъ», СПБ. 1898. Т. III, стр. 290, 676.
- 180 «Жизнь прожить — не поле перейти. Записки неизвѣстной.» «Русскій Вѣстникъ» за 1881 годъ. Сентябрь. Стр. 151. Кромѣ того, о Пушкинѣ здѣсь говорится на стр. 152, 154—157.
- 181 Кн. Козловскій: Разборъ парижскаго математи-

ческаго ежегодника на 1836 годъ. «Современникъ» за 1836 годъ. Томъ I, стр. 256. О томъ же тамъ же: томъ IV, стр. 243. Опровергалъ слухи объ открытіи Гершелемъ обитаемости луны также и «Московскій Наблюдатель» за 1836 годъ. (Часть VII, стр. 435—436.) Отмѣтимъ, что въ библиотекѣ Пушкина сохранились двѣ книги Гершеля: *Traité d'Astronomie par Sir John F. W. Herschel. Traduit de l'anglais par Aug. Cournot (Bruxelles. 1835)* и *Publication complète des nouvelles découvertes de Sir John Herschel dans le Ciel Austral et dans la Lune. Traduit de l'anglais (Paris. 1836)* Модзалевскій: стр. 248.

- 182 Князя П. Б. Козловскаго Пушкинъ высоко цѣнилъ, какъ полезнаго сотрудника «Современника». «Козловскій serait ma providence, s'il voulait une bonne fois devenir homme de lettre,» говоритъ онъ въ письмѣ П. Я. Чаадаеву отъ 19 октября 1836 г. Морозовъ: томъ VIII, стр. 402.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

Абрамовичъ, Д. И. проф.	91
Александръ I, имп. 11, 13, 31, 40, 80, 81, 84, 85, 89, 102	102
Анненковъ, П. В.	35, 83, 86, 89, 92, 99, 101, 102
Ансильонъ, Ф.	58
Арина Родіоновна	28
Баадеръ, Францъ	36
Балланшъ, П. С.	58
Бальзакъ, О.	72
Баратынскій, Е. А.	56
Бартеневъ, П. И.	86, 88, 98, 99
Батюшковъ, К. Н.	61
Бейль, А. (Стендаль)	72, 108
Бейль, П.	108
Беме, Яковъ	36
Бикерманъ, И.	103
Бодянский, О. М., проф.	86
Боцяновскій, В. Ѳ.	50, 101
Бродскій, Б.	83
Броневскій, С. М.	85
Брюсовъ, В. Я.	69, 107
Васютинскій, А. М.	79
Ваттемаръ, Ал.	44, 100
Вейскопфъ	85, 95, 98
Вейсгауптъ, А.	85, 90
Венгеровъ, С. А. проф.	69, 81, 82, 83, 84, 88, 100, 101, 107
Веневитиновъ, Д. В.	85
Вигель, Ф. Ф.	43
Вико, Д. Б.	58
Витбергъ, А. Л.	80
Вогюэ, М. де	70, 108
Воейковъ, А. Ѳ.	63
Волконская, З. А., кн.	94
Вольтеръ,	58, 62, 73
Вревская, Е. Н.	36

Всеволожскій, Александръ	98
Всеволодскій, Н. В.	97, 98
Вульфъ, А. Н.	93, 94
Вяземская, княжна	35
Вяземская, В. Ѳ., кн.	37
Вяземскій, П. А., кн. 42, 61, 63, 64, 65, 66, 83, 93, 104, 105, 108	
Галичъ, А. И., проф.	54, 55, 56, 58
Ганнибалы	23
Ганнибалъ, А. П.	28, 108
Ганибалъ, М. А.	20, 28
Гегель, Г. Ф. В.	58, 103
Герценъ, А. И.	15, 80, 81
Гершель, Д. Ф. В.	76, 109
Гершензонъ, М. О.	87
Гете	105
Гиппиусъ, В.	46, 48, 100
Глинка, Ѳ. Н.	28
Гнѣдичъ, Н. И.	62
Гоголь, Н. В.	5, 22, 69, 93, 94, 96, 107
Гойя, Ф.	28
Гончарова, Н. Н. (Пушкина)	87, 95
Гончаровы	96
Горнфельдъ, А. Г.	107
Гофманъ, М. Л., проф.	87
Гофманъ, Э. Т. А.	5, 73, 74, 79, 104
Грибоѣдовъ, А. С.	61, 91
Груберъ, Г.	9
Гротъ, Я. К., акад.	102
Давыдовы	33
Давыдовъ, И. И., проф.	86
Даль, В. Ив.	99
Данзасъ, К. К.	93, 99
Дантесъ, Ж. бар.	91, 94
Дашкевичъ, Н. П., акад. 23, 58, 68, 82, 104, 106, 107	
Дельвигъ, А. А., бар.	35, 41, 56, 83, 105
Дидро, Д.	58
Долгорукова, Е. А., кн.	88
Долгорукий, В. А., кн.	43
Долининъ (Искозъ), А. С.	50
Достоевскій, Ѳ. М.	5
Драшусова - Карлгофъ, Е. А.	76, 108

Дубровинъ, Н. Ѳ., акад.	80
Екатерина II, имп.	43, 79, 70
Жуковский, В. А.	32, 61, 100, 101
Загоскинъ, М. Н.	44
Захарьина, Н. А.	81
Здѣховскій (Урсинъ) М., проф.	22, 82
Іоаннъ Антоновичъ, имп.	99
Иванова	92
Инзовъ, И. Н.	33, 85
Искозъ (Долининъ) А. С.	50, 101
Калашниковъ, И. Т.	92
Каллашъ, В. В.	80
Каменевъ, Г. П.	106
Кантъ, И.	57, 58, 104
Карлгофъ - Драшусова, Е. А.	76, 108
Карръ, А.	79
Каченовскій, М. Т., проф.	86
Кернъ, А. П.	87, 88, 92, 93
Кинэ, Э.	58
Кирхгофъ	42, 85, 93, 98
Кирѣевскій, И. В.	36, 87
Кислицына, Е.	46, 47, 48, 100
Козловскій, П. Б. кн.,	77, 108, 109
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ	97
Коркуновъ, Н. М. проф.	102
Корфъ, М. А., бар.	85
Котляревскій, Н. А., акад.	4, 48, 69, 100, 101, 107
Котовичъ, А.	80
Кошелевъ, А. И.	79
Красинскій, С., гр.	22
Крыловъ, И. А.	62
Крюденеръ, В. Ю., бар.	11, 80
Кульманъ, Н. К., проф.	84, 105
Куницынъ, А. П., проф.	53, 54, 55, 58, 102
Курно, О.	109
Кюхельбекеръ, В. К.	36
Лабзина, А. Е.	80
Лабзинъ, А. Ѳ.	10, 11
Лабрюеръ, Ж.	58
Лакруа, С. Ф.	70
Ламеннэ, Ф. Р.	58, 104
Лапласъ, П. С.	76

Лейбницъ	58
Ленцъ, В.	104
Лерминъ, Ж. Л. Э.	58, 104
Лермонтовъ, М. Ю.	41, 62, 69, 79, 91
Лернеръ, Н. О.	82, 84, 102, 103
Липранди, И. П.	55, 102
Ломоносовъ, М. В.	64
Магницкій, М. Л.	13
Магометъ	83
Майковъ, Л. Н., акад.	38, 93
Малеинъ, А. И., проф.	101
Мансуровъ, П.	98
Маркевичъ, Б. М.	90
Межовъ, В. И.	108
Мережковский, Д. С.	69, 107
Мериме, П.	72, 108
Мельгуновъ, Н. А.	17, 31
Мельгуновъ, С. П., проф.	79, 80, 81, 84
Мицкевичъ, Ад.	22
Модзалевскій, В. Л.	19, 76, 80, 81, 83, 104, 109
Монтанъ, М.	58, 104
Морозовъ, П. О.	81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 99, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108
Морошкинъ, М.	80
Морфиль, В. Р.	27
Муравьевъ, А. Н.	94
Мэстръ, Ж. де.	9
Надлеръ, В. К. проф.	80
Наполеонъ I, имп.	15, 71
Нащокина, В. А.	42, 92, 93, 94, 95, 96, 98
Нащокинъ, П. В.	42, 90, 91, 93, 95, 96, 98, 99
Николай I, имп.	13, 41, 100
Николь, абб.	10
Новиковъ, Н. И.	79
Новосильцова, Н. А.	89
Новосильцовы	88
Одоевскій, В. Ф., кн.	18, 36, 84, 87, 104, 106
Оленина, А. А.	37
Олизаръ, Г., гр.	33, 85
Павелъ I, имп.	9
Павлищева, О. С. (ур. Пушкина)	19, 20, 21, 36, 82
Павлищевъ, Л. Н.	19, 20, 36, 42, 82, 87, 92

Павлищевъ, Н. И.	19, 82
Паскаль, Б.	58
Пелисье, Ж.	70, 107, 108
Перовскій, А. А. (Погорѣльскій)	74
Пестель, П. И.	55
Петръ Великій, имп.	99
Пиксановъ, Н. К., проф.	84, 87
Пилецкій	102
Плетневъ, П. А., проф.	40
Погодинъ, М. П., проф.	17, 56, 85, 94
Погорѣльскій (Перовскій, А. А.)	74
Полевой, Н. А.	50
Поливановъ, Л. И.	83
Потемкинъ, Г. А., кн.	99
Прево	87
Прерадовичъ, П.	22
Пугачевъ, Е. И.	75
Пушкины	23
Пушкина, Н. Н. (ур. Гончарова)	35, 38, 39, 104
Пушкина, Н. О. (ур. Ганнибалъ)	18, 20
Пушкинъ, А. М.	20
Пушкинъ, А. С.	почти на каждой страницѣ
Пушкинъ, В. Л.	20, 32, 36, 84
Пушкинъ, Л. С.	19, 20, 83, 85
Пушкинъ, С. Л.	18, 19, 20, 21, 32, 36
Пуцинъ, П. П.	84
Пыпинъ, А. Н., акад.	8, 79, 80, 84
Радловъ, Э. Л. проф.	22, 82
Раевскіе,	85
Раевскій, А. Н.	29, 100
Раевскій, Н. Н.	106
Родзянко, А. Г.	106
Рождественскій, С. В., проф.	80
Розановъ, И. Н., проф.	106
Руничъ, Д. П.	13
Руссо, Ж. Ж.	54, 58
Рылѣевъ, К. Ѳ.	89, 90
Савари, М.	83
Сайтовъ, В. И.	102
Сакулинъ, П. Н., проф.	79, 84, 87, 103
Сведенборгъ, Э.	21, 80
Семека, А. В.	79

Сенека, Л.	58
Сидоровъ, Н. П.	79
Сикорскій, И. А. проф.	18, 81
Сиповскій, В. В. проф.	100, 102
Скабичевскій, А. М.	80
Словацкій, Ю.	22
Словцовъ, П. А.	92
Смирнова, А. О.	81, 105
Соболевскій, С. А. 42, 84, 85, 89, 90, 95, 103	
Соллогубъ, В. А., гр.	106, 107
Сосницкій, И. И.	98
Сперанскій, М. М., гр.	85
Сперанскій, М. Н., проф.	107
Стендаль, (А. Бейль)	72, 108
Стернь, Л.	50, 101
Тарасенко - Отрѣшковъ, Н. И.	103
Тарасовъ, Е. И.	79
Татаринова, Е. Ф.	11
Татьяна Дементьевна	90, 91
Тикъ, Л.	25, 73, 83
Титовъ, В. П.	103
Толстой, А. К. гр.	5, 101
Толстой, Ѳ. И. гр.	94
Толычева	88, 89
Трубачевъ, С. С.	79
Тургеневъ, А. И.	84, 108
Тургеневъ, И. С.	5, 101
Урсинъ (Здѣховскій) М., проф.	82
Фихте.	58
Фуксъ, А. А.	43, 96, 98, 106
Херасковъ, М. М.	64
Ходасевичъ, В. Ѳ.	48, 49, 50, 100
Хомяковъ, А. С.	22
Цявловскій, М. А.	86, 88, 99, 102
Чаадаевъ, П. Я.	109
Черняевъ, Н. И.	58, 105
Шамбинаго, С.	79, 108
Шахматовъ, А. А., акад.	4
Шевченко, Т. Г.	12
Шевыревъ, С. П., проф.	17
Шекспиръ, В.	67
Шеллингъ, Ф. В.	58, 107

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
117

Шенъ, Л. Ф.	58, 104
Шенье, А.	40
Шиллеръ	105
Шкловскій, В.	50, 101
Шлегель, Ф.	64
Шляпкинь, И. А., проф,	102
Шубертъ, Г. , , . ,	36
Щеголевъ, П. Е.	100
Эскартсгаузенъ	10, 21
Энгельгардтъ, Н. А.	80
Юнгъ Штеллингъ, Г. Г.	10

СОДЕРЖАНІЕ:

	Вмѣсто предисловія	3
Глава I:	Историческая обстановка	7
Глава II:	Черты мистики у Пушкина	15
Глава III:	Впечатлѣнія Востока	25
Глава IV:	Масонство	31
Глава V:	Суевѣрія Пушкина	35
Глава VI:	Вопросъ о религіозности Пушкина	45
Глава VII:	Отношеніе Пушкина къ философіи	53
Глава VIII:	Пушкинъ и романтизмъ	61
Глава IX:	Общій характеръ мистики Пушкина	73
	Примѣчанія	79
	Алфавитный указатель собственныхъ именъ	111

Того же автора:

„Славянскіе поэты.“

Переводы и характеристики. 1908. Петербургъ.

„Любовь мертвеца“ у Лермонтова и Альфонса Карра.”

„Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ за 1916 годъ. Т. XXI, кн. 1. Петроградъ.

„Пушкинъ и Кольриджъ.“

„Звено“. 1925. Парижъ.

„Пушкинъ и Гофманъ.“

Сравнительное историко-литературное изслѣдованіе. „Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis)“ 1927—1928. Дерптъ.
